

A portrait of Alexander Vasilevsky, a high-ranking Soviet military officer. He is shown from the chest up, wearing a dark military uniform with gold epaulettes and numerous medals and orders on his left breast. The background is solid black.

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЕВСКИЙ**

**ДЕЛО
ВСЕЙ ЖИЗНИ**

ВОСПОМИНАНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА

Великие вспоминают

Александр Василевский

**Дело всей жизни. Воспоминания
начальника Генштаба**

«Алисторус»

1975

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-8

Василевский А. М.

Дело всей жизни. Воспоминания начальника Генштаба /
А. М. Василевский — «Алисторус», 1975 — (Великие
вспоминают)

ISBN 978-5-907211-38-4

Знаменитый советский полководец Александр Михайлович Василевский с 1942 года по 1945 год занимал должность начальника Генштаба. Маршал Советского Союза вспоминает о своем участии в Гражданской и Великой Отечественной войнах, в разгроме Японии и о работе Ставки Верховного Главнокомандования. На страницах книги А.М. Василевский делится впечатлениями о своих современниках и сослуживцах – М.В. Фрунзе, И.П. Уборевиче, Б.М. Шапошникове, М.Н. Тухачевском, К.Е. Ворошилове, Г. К. Жукове и других известных советских военачальниках.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-907211-38-4

© Василевский А. М., 1975
© Алисторус, 1975

Содержание

Величие свершений А. М. Василевского в служение отечеству. Место в истории	6
Дело всей жизни. Воспоминания начальника Генштаба	9
К читателю	10
Юные годы	12
Новый этап жизни	17
Крещение огнем	23
Первые шаги в борьбе за Советы	32
Против интервентов	39
Полковой опыт	45
На пути к реконструкции	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Михайлович Василевский

Дело всей жизни. Воспоминания начальника Генштаба

© Василевский А.М., наследники, 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Величие свершений А. М. Василевского в служение отечеству. Место в истории

Любого человека, тем более государственного, политического и общественного деятеля оценивают по его достоинствам, среди которых на первом месте его дела, его свершения, его результаты на порученных ему постах. Именно это историческое, человеческое измерение определяет место государственного деятеля в народе и истории. А. М. Василевский, говоря Пушкинскими словами, любезен народу единством авторитета личности и должности, величием свершений.

Свершения А. М. Василевского многосторонни, огромны по объему и глубине влияния на судьбу страны. Они отличаются государственным уровнем и классически плодотворной неувядаемостью. Василевский был и остается нашим современником. Таким он будет всегда.

Обратимся к наиболее значимым его свершениям:

И. А. М. Василевский в должности начальника Генерального штаба политику государства и правящей партии, военную доктрину государства, военную науку сумел реализовать в конкретных функциях военной стратегии, в высших достижениях стратегии, в победоносном видении и завершении войны в Европе и Азии. Никогда военная стратегия в истории человечества не была столь плодотворной и победоносной. Военная стратегия, разработанная советским Генштабом, определила высокий уровень оперативного искусства и тактики.

В разработке и реализации победоносной стратегии развернулись, наполнились богатым содержанием уникальные качества Василевского – полководца, отличающими его от самых знаменитых полководцев в военной истории человечества. Такого начальника Генерального штаба великой державы, одержавшей Победу в самой великой войне, не было ни у одной страны и армии. Эта уникальность состоит в том, что начальник Генерального штаба на основе глубокого анализа обстановки и обоснованного предвидения развития событий войны формулирует основы решений и мероприятий Ставки Верховного Главнокомандования на проведение стратегической операции, а после утверждения реализует задачи операции через Генеральный штаб и непосредственно на театре военных действий. 22 из 34 месяцев войны провел Василевский на фронте. С командных пунктов фронтов, армий, через Генштаб шло управление событиями войны, но главное решалась судьба той операции, которая в данный момент была решающей на всем советско-германском фронте. Вспомним наряду с Василевским имена начальников Генеральных штабов великих держав генералов Маршалла, Брука, Гамелена, Кейтеля, Умэдзу – кто из них поднялся до высот Василевского? А когда государственным руководством на Василевского были возложены функции командующего и Главнокомандующего он, не командовавший дивизией, корпусом, армией, фронтом, показал образцы полководческого искусства. Талантливый человек – талантлив во всем.

В годы Великой Отечественной войны Генеральный штаб показал пример радикальной перестройки своей деятельности в соответствии с характером войны и задачами реализации государственной программы и военной доктрины – достижения победы. Он утвердился как профессиональный орган, способный решать самые сложные задачи планирования, подготовки и проведения операций всех масштабов, всех видов. При этом он испытывал острый недостаток в квалифицированных кадрах. Укомплектованность Генштаба военнослужащими не превышала 85 %, а в критические для страны и армии моменты 1941–1942 гг. колебалась от 22 до 71 %. Контрнаступление под Москвой было спланировано группой генералов и офицеров в количестве... 10 человек под руководством А.М. Василевского.

За период войны Генеральным штабом было разработано свыше 300 операций фронтов и групп фронтов, из которых 50 по своему размаху и результату могут быть отнесены к стра-

тегическим. В этой ответственной работе особое внимание уделялось обоснованности расчетов, реальности планов, заблаговременности разработки, всестороннему обеспечению, непрерывному, ГК на ДВ обладало самостоятельностью в решении вопросов руководства военными действиями фронтов, флота, видов Вооруженных Сил. Оно располагало необходимыми резервами, имело свою материально-техническую базу, крупные ремонтные мощности. При главнокомандующем были созданы штаб, управления командующих родами войск, органы тыла. Руководство деятельностью политорганов осуществляло политическое управление.

В подчинении ГК на ДВ находились Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский флот, Амурская и Северная флотилии, а также советско-монгольская конно-механизированная группа, действовавшая в составе Забайкальского фронта.

К наиболее значимым военно-стратегическим результатам Дальневосточной кампании 1945 года, полученным под руководством маршала АМ. Василевского, характеризующим его как выдающегося полководца и государственного деятеля следует отнести, во-первых, подготовку и проведение стратегической перегруппировки или, как ее еще называют, межтеатрового (трансконтинентального) маневра советских войск с Запада на Восток в предельно сжатые сроки, ставшие беспрецедентными в истории войн и военного искусства. Во-вторых, разгром Квантунской группировки войск Японии, осуществленный почти вдвое быстрее сроков, предусмотренных замыслом проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции. В-третьих, апробирование в Дальневосточной кампании таких способов ведения военных действий, которые легли в основу развития новых направлений в теории военного искусства и продолжают сохранять свое влияние на совершенствование военной науки в наши дни.

II. Вновь подчеркнем уникальность полководческого искусства АМ. Василевского. Полководец-герой не тот, кто добивается победы ценой любых жертв, а тот, кто умелыми подготовкой и руководством военными батальями достигает ее с наименьшими потерями. Так вот, бережное, заботливое отношение к солдату, офицеру, генералу, являвшееся характерной чертой полководца и человека АМ. Василевского, позволило ему достичь крупного успеха в Маньчжурской стратегической наступательной операции, боевые действия в которой велись огромными массами войск на фронте в пять тысяч километров и охватывали территорию, на которой проживало 70 млн. человек гражданского населения с относительно малыми потерями. Вооруженные силы Японии и ее союзников в период боевых действий с 9 августа по 2 сентября 1945 г. потеряли убитыми 83700 человек. В плен было взято 640 тыс. солдат и офицеров японской армии, в том числе 148 генералов. Нашей армии достались большие трофеи: 4300 орудий и минометов, 686 танков, 861 самолет и другая боевая техника. Общие же людские потери советских войск и сил флота в войне против Японии, составившие 36456 человек, были в 19,8 раза ниже, чем аналогичные потери японских вооруженных сил, а безвозвратные потери составили менее 0,1 % от численности всего личного состава, принявшего участие в Дальневосточной кампании. Американский объединенный комитет начальников штабов на опыте боев за острова Тарава, Иводзима и Окинава рассчитывал положить на алтарь победы над Японией 1 млн. своих и 0,5 млн. британских военнослужащих при японских потерях в 10 и более млн. человек. Талант АМ. Василевского помог спасти и эти жизни.

III. А. М. Василевский на высших военных постах в государстве осуществил научно-теоретический анализ войны, военного строительства, деятельности органов стратегического руководства, полководческого искусства, определил новые горизонты, просторы развития военной науки, военного искусства, соответствующие требованиям отечественной школы Генерального штаба.

В деятельности А. М. Василевского особо сильной стороной было творческое начало. Огромный массив информации, глубоко противоречивый характер операций, кампаний, войны, государственное, национальное значение достигнутых результатов, одержанных побед, взаимодействие и общение с выдающимися военачальниками, государственными, политиче-

скими деятелями, собственный аналитический склад ума находили выражение в решении важнейших вопросов стратегического уровня руководства. Глубина их проработки обеспечила им силу, сохранила значение до наших дней.

Из книги генерал-полковника Б. П. Уткина «Полководцы в годы войны и мира»

Дело всей жизни. Воспоминания начальника Генштаба

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ

Ф. Жуков

Дорогой Александр Михайлович!
Знаю я Вас около 40 лет.
Все эти годы Вы блестяще справ-
лялись с порученной Вам рабо-
той. Особенно близко узнал я
Вас в годы Великой Отечествен-
ной войны, когда Вы провели
ряд крупнейших стратегиче-
ских операций. Радика наша
никогда не забудет Ваших заслуг
в борьбе со злейшим вра-
гом человечества — немецким фа-
шизмом и по заслугам считая
Вас величайшим полководцем
Советской Армии.

Я с удовольствием вспо-
минаю Ваши умные решения, ко-
гда Вы были начальником Генераль-
ного штаба, председателем Ставки
Верховного Главнокомандования и
Главным командующим войсками на
Дальнем Востоке где Вы умели, в ко-
роткий срок, разгромить квантунс-
кую армию. Помню Вашу свою книгу
на добрую память.
16/IX-69. Помню по-прежнему Ф. Жуков

К читателю

Все дальше уходят в глубь истории грозные годы Великой Отечественной войны. Но время не властно предать их забвению, выветрить из памяти народной. Наша победа над фашистской Германией – это победа над реакционными силами империализма, победа светлого дела социализма.

Много вышло различных книг, посвященных минувшей войне. И все же интерес к ним не уменьшается. Каждое новое правдивое произведение об этой священной для советских людей войне – еще одно свидетельство великого подвига, свершенного нашим народом во имя свободы и независимости своей Родины, мира и прогресса.

В огне ожесточеннейших сражений в годы Великой Отечественной войны прошли испытание на крепость Советское многонациональное государство и его Вооруженные Силы. Были проверены зрелость военного искусства, качество наших военных руководящих кадров, вставших лицом к лицу с фашистским генералитетом, считавшимся до того самым опытным среди буржуазных армий.

Я счастлив и горд, что в труднейшую для Родины годину мог принять посильное участие в борьбе наших доблестных Вооруженных Сил и вместе с ними пережил горечь наших неудач, и радость победы.

В ходе войны росли и закалялись наши военные кадры. Я, как и другие советские военачальники, под руководством Коммунистической партии рос и приобретал боевой опыт.

Великая Отечественная война застала меня на службе в Генеральном штабе, в должности заместителя начальника оперативного управления, в звании генерал-майора.

1 августа 1941 года решением ЦК партии я был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба, а с июня 1942 и до февраля 1945 года возглавлял Генеральный штаб, будучи одновременно заместителем наркома обороны. В дальнейшем на меня были возложены обязанности командующего фронтом и члена Ставки Верховного Главнокомандования, а затем главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

Таким образом, на протяжении почти всей Великой Отечественной войны я имел прямое, непосредственное отношение к руководству Вооруженными Силами. Поэтому я, прежде всего, и больше всего, говорю в книге о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, ее главного рабочего органа – Генерального штаба и основного руководящего состава наших Вооруженных Сил – командующих фронтами и армиями, их военных советов и штабов.

В основу книги положен фактический материал, хорошо известный мне и подтвержденный архивными документами, значительная часть которых еще не публиковалась. Главная цель моих воспоминаний – показать, как под мудрым руководством Коммунистической партии ковалась грандиознейшая победа, рассказать нашему молодому поколению о тех методах и формах, которые применялись нашими руководящими военными органами в ходе вооруженной борьбы. Были в этой борьбе и ошибки, и просчеты. Скажу я в своей книге и о них. Но, разумеется, не они составляют главное на том многотрудном пути, который прошли наши воины к победе.

В своей книге я стремлюсь показать, как росли день ото дня военное могущество Советского государства, боевые и моральные качества советских воинов, как развивалась военная наука, росли наши военные и особенно руководящие кадры. Надо прямо сказать, что все наши военачальники являлись последовательными выразителями основных принципов советского военного искусства – решительности, гибкости и маневренности. Уже в первые месяцы войны они показали ценнейшие из качеств военного руководителя – полное и глубокое понимание природы и характера современной войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений.

В книге уделено достаточное внимание работе представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

Я высоко ценю литературу о минувшей войне. Тот подвиг, который совершили армия и народ под руководством Коммунистической партии в борьбе с фашизмом, не имеет себе равного в мировой истории. Трудно переоценить значение пропаганды этого подвига для воспитания советского патриотизма.

Тот факт, что книга моя выходит со значительным запозданием по времени, объясняется рядом обстоятельств. Нужно было провести большую работу в архивах, подготовить фактическую основу книги. В дни войны мне не приходила мысль, что когда-то придется писать воспоминания о ней. Все помыслы и заботы отдавались самой войне. Отдельные авторы книг ссылаются на свои дневники, которые они тогда вели. Ну что же, это, если стоять на позиции мемуариста, их счастье. Они, видимо, имели возможность и находили время для того, чтобы записывать виденное о событиях, людях, и делали это от чистого сердца, и с самыми лучшими побуждениями. Но все же должен сказать, что по решениям Ставки из-за предосторожности и соблюдения секретности они делать это не должны были. Даже нам, ответственным работникам Генштаба, участникам всех заседаний Государственного Комитета Обороны и совещаний в Ставке Верховного Главнокомандования, на которых рассматривались вопросы оперативно-стратегического порядка, запрещалось в свои рабочие тетради записывать что-либо, кроме общих, правда основных, но ничего не говорящих для постороннего человека, фраз и цифр. Партия придавала исключительное значение сохранению государственной и военной тайны на всех уровнях руководства Вооруженных Сил. И нет сомнений, что такая строгость в этом вопросе во время войны была совершенно оправданна. Основными документами по принятым решениям являлись директивы фронтам, разрабатываемые нами и утверждаемые в Ставке. По распоряжению Ставки штабы всех объединений, соединений и воинских частей вели записи о ходе военных действий в своих журналах, которые теперь оказывают огромную помощь авторам, в том числе и мне.

Причиной, объясняющей столь долгое отсутствие моей книги, является и то, что и после войны я длительное время был чрезвычайно занят. В марте 1946 года я снова стал начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны. В 1949 году был назначен министром Вооруженных Сил, а с 1950 по 1953 год – военным министром. Помешала работе над книгой и моя долгая болезнь.

Первые книги о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом – «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И. В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги.

За время, прошедшее после выхода книги, я получил немало писем. Меня радует отношение читателей к книге, их внимание к ее содержанию, проблемам. С благодарностью принимаю их пожелания и замечания. И хотя с некоторыми из них я не согласен, я с уважением отношусь и к таким высказываниям, ибо они сделаны советскими патриотами искренне, от всего сердца.

В меру возможности я внес в книгу ряд уточнений и добавлений. Написаны также две новые главы – «Героическая оборона Ленинграда» и «В Генеральном штабе», дополнена глава «На Дальнем Востоке».

Автор, январь 1975 года

Юные годы

Первые шаги. – Кинешемские будни. – «Хлебная комиссия». – Кострома и костромичи. – В стенах семинарии. – Накануне войны

Моя биография, вплоть до Великого Октября, не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество. 1917 год явился рубежом в жизни не только России, но и всего человечества. Перед миллионами граждан встал вопрос: с кем ты? По какую сторону баррикад? И вот тут-то оказалось, что «единая и сплоченная масса» защитников старого строя резко размежевалась. Одни ушли в стан белогвардейцев, другие – а их было довольно много – в ряды защитников Советской власти. Среди них был и я. И с тех пор, вот уже более полувека, я с гордостью несу службу в Вооруженных Силах первого в мире социалистического государства.

Почему так произошло? Каким образом штаб-капитан царской армии стал красным командиром, членом Коммунистической партии, избирался делегатом на ее съезды, членом ЦК? И в этом, как в капле воды, отразилась судьба многих и многих людей моего поколения. Октябрьская революция явилась событием, в корне изменившим всю их жизнь и образ мысли.

Можно сказать, что моя биография в какой-то степени типична...

На границе Ивановской и Костромской областей начинается Среднее Поволжье. Здесь по равнине, еще и сейчас достаточно лесистой, текут реки Унжа, Немда, Лух, Кострома. Вокруг небольших городов теснятся множество поселков, а между ними разбросаны старинные села и деревни. Этот край бедных подзолистых почв и еловых лесов – моя родина. Ниже Костромы, если плыть по Волге и миновать живописный городок Плес, пароходы подходили к пристани в Кинешме, славившейся полотняными изделиями. По обе стороны великой русской реки простирались заливные луга. На юго-запад от Кинешмы шла «чугунка» – железная дорога на Иваново-Вознесенск, а на юг вели два больших тракта: один – к Вичуге, а другой – к большой деревне Никитино. Это было наше волостное село. Рядом с ним, в центре большой равнины, окруженной лесами, лежало торговое село Батманы. К нему лепились деревни помельче. С востока на запад равнину пересекает наша любимая речка Елнать, впадающая в Волгу.

Ничем не примечательный, этот крохотный по своим размерам кусочек нашей Родины мне особенно близок. В западной его части, километрах в пяти от Батман, и находилось тогда село Новопокровское, с которым тесно связаны мои детство и юность. Было в нем всего три дома. Теперь этого села нет. Но я и сейчас отчетливо представляю не только само Новопокровское, а и соседние с ним деревушки Горки, Вахутки, Кобылино, Бардуки, Рагуши и другие. Здесь в детстве я бродил по лесам, изобиловавшим дичью, всевозможными грибами и ягодами. Вместе с крестьянами, лица многих из которых отлично помню и сейчас, косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами. Здесь в церковно-приходской школе начал учебу.

Детство мое прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного. Отец мой, Михаил Александрович, лишился своего отца в 17 лет. Его мать, моя бабушка, вскоре вышла замуж за мелкого служащего уездного земства. У нее появилась новая семья, и отец остался предоставленным самому себе. Что делать? Единственное, чем он обладал, это хорошим голосом. Кто-то посоветовал ему устроиться в хор костромского собора. Из Костромы он вернулся к себе в родные места и стал церковным регентом (дирижером хора), и псаломщиком в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда (ныне Вичугский район Ивановской области). Вскоре он женился на Надежде Ивановне Соколовой, дочери псаломщика села Углец, того же уезда. К 1912 году в семье уже было восемь детей. Первенец, Александр, умер. Дмитрий стал врачом,

а затем офицером Красной Армии. Екатерина несколько десятков лет работала сельской учительницей, потеряла в Великую Отечественную войну мужа и сына. Я был четвертым. Евгений стал председателем колхоза и агрономом во Владимирской области; Виктор – штурманом боевой авиации; Елена и Вера – работницами сельских школ; Маргарита – лаборанткой научно-исследовательского института.

Я родился в селе Новая Гольчиха 30(17) сентября 1895 года. Через два года отца перевели священником в Новопокровское. Скучного отцовского жалованья не хватало даже на самые насущные нужды многодетной семьи. Все мы, от мала до велика, трудились в огороде и в поле. Зимой отец подрабатывал, столярничал, изготавливая по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пасек.

Наша семья не была исключением: еще беднее жили крестьяне окрестных деревень. На клочках истощенной и почти не знавшей удобрений земли они прокормиться не могли. Поэтому многие мужчины, а нередко и женщины искали заработок на стороне. В нашем уезде, самом промышленном в Костромской губернии, было много ткацко-прядельных фабрик, особенно валяльных. Чаще всего крестьяне уходили на фабрики Коновалова, Разореновых, Кокорева, Морокиных, Миндовского и других богачей. Кормильцы крестьянских семей работали на фабриках круглый год, включая и летнее, самое страдное для деревни время, верст за двадцать от дома. Жили они в фабричных казармах или на постое, дома бывали редко. Кто не хотел уходить далеко от деревни, нанимался на заводы в Вахутках, Кислячихе, Добрынихе, Крутицах, Лагунихе. Подростки с 10–11 лет поступали в ученики на предприятия. Платили им, конечно, еще меньше, хотя порой они выполняли работу взрослых. Крестьяне, остававшиеся в деревнях, подрабатывали в лесозаготовительных артелях; если имели лошаденку, возили на фабрики топливо; валяли на дому обувь по заказам заводчиков. Женщины и девушки вязали варежки, перчатки и чулки.

Тесное общение крестьян с рабочими благотворно влияло на сознание сельского населения, пробуждало в бедняках ненависть к существовавшему строю. А о настроениях местных рабочих могут прямо свидетельствовать события того времени. Некоторые из них сохранились в моей памяти.

В 1907 году в Кинешме возник Совет рабочих депутатов. В историю он вошел под названием «хлебная комиссия», состоявшая из 20–30 рабочих и нескольких крестьян, избранных 15 февраля 1907 года на общегородском многотысячном митинге. 1906 год выдался неурожайным. Цены на зерно и муку резко возросли. Точнее говоря, их взвинтили торговцы, пытавшиеся, как и всегда, нажиться на народном горе. Рабочие кинешемских фабрик объявили забастовку. На городской базарной площади собрались ткачи фабрики Калашникова, белильщики завода Рабкина, лесопилщики заведения Демидова, литейщики завода Подшивалова, гончары мастерской Агапова и многие другие. Состоялась «сходка», как тогда говорили. На ней-то и была создана «хлебная комиссия». Поддержанная трудящимися города и крестьянами ближайших деревень, выполняя наказ участников митинга, она своей властью взяла на учет продовольственные запасы, имевшиеся в Кинешме, и заставила торговцев продавать хлеб по твердой, установленной комиссией цене. Все свои заседания комиссия проводила совершенно открыто в здании городской думы.

Через две недели в Кинешму прислали из Костромы казаков. Власти чинили произвол. Полицейские ворвались в здание думы и арестовали 18 членов комиссии. Начались повальные обыски. Закрыли театр имени А. Н. Островского, а в его помещении устроили казармы для казачьей сотни. Разгромили библиотеку-читальню. «Хлебную комиссию» разогнали.

Местная тюрьма была переполнена. Но и в условиях массовых репрессий большевики распространяли в городе воззвания. «Не века и даже не долгие годы будет царить у нас на Руси произвол. Час возмездия и всенародной расправы близок, товарищи!» – говорилось в одном из них. Как я узнал позднее, большевистская газета «Пролетарий» писала об этих событиях:

«Кинешемский пролетариат, крестьянская и городская беднота получили хороший наглядный урок о тесной связи мучного патриотизма и самодержавного «престол-отечества» с голодными ценами на муку...».

А. Василевский (во втором ряду второй слева) среди учащихся Костромской духовной семинарии. 1914 г.

Летом 1909 года я окончил кинешемское духовное училище и осенью начал учиться в костромской духовной семинарии. Иного пути у меня не было. Отец пошел на это, хотя плата за мое содержание в общежитии, составлявшая 75 рублей в год, была очень тяжела. К тому же весной 1909 года нашу семью постигло несчастье: наш дом и все имущество сгорели дотла.

Кострома была значительно крупнее нашего уездного города, но по составу населения – более мещанской, уступая Кинешме как по числу рабочих, так и по количеству фабричных заведений. В центре Костромы была площадь Сусанина с памятником народному герою скульптора В. И. Демут-Малиновского. Здесь же на площади высился восьмигранный городской пожарной каланчи, а рядом с нею стояло нарядное, с колоннадой и коваными железными фонарями перед фасадом, здание гарнизонной гауптвахты. Построенный в начале XIX века ансамбль гостиного двора с красными торговыми рядами – мучными, пряничными, рыбными и другими – и по сей день украшает бывшую Сусанинскую, а ныне площадь Революции. От площади веерообразно расходились прямые улицы. На запад за гостиным двором шла главная в городе улица Русина. Вечерами и особенно в праздничные дни здесь любила гулять учащаяся молодежь. На север от памятника Сусанину проходила центральная в этом веере Павловская улица, с любимым нами городским театром. За красными торговыми рядами лежала Соборная площадь, примыкавшая к общественному саду. Одна шла аллеей сада, созданная на высокой искусственной насыпи, выходила к Волге. Отсюда, из «беседки А. Н. Островского», открывался незабываемый по красоте вид.

Наша семинария размещалась в нескольких корпусах на Верхне-Набережной улице. Весной и осенью мы любили с противоположного берега реки любоваться городом. За местом впадения в Волгу реки Костромы на лугу стоит Ипатьевский монастырь. Его история, его стены и башни, соборы и терема, расписанные чудесными фресками, заслуженно вызывали интерес

у наших историков, у всех любителей старины и древнерусской культуры. Справа на холме за Татарской слободой красовалась сосновая роща.

Костромичи гордились тем, что их земляками являлись такие известные люди, как основатель первого русского театра в Ярославле Ф. Г. Волков, известный поэт А. Н. Плещеев, писатель А. Ф. Писемский, мореплаватель Г. И. Невельской. В Домнинской волости Костромской губернии совершил свой подвиг крестьянин Иван Осипович Сусанин. Два костромских воина спасли на Куликовом поле от смерти Дмитрия Донского. В Костроме и ее окрестностях значительную часть своей жизни провел великий драматург А. Н. Островский, проживая обычно в усадьбе Щелыково. Более половины его пьес написано на местные темы («Бесприданница», «Гроза», «Василиса Мелентьева», «Воевода», «Лес», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники» и другие). Старики еще помнили тех жителей, с кого А. Н. Островский писал своих героев. Например, в основу драмы «Гроза» положен эпизод из местной уголовной хроники по делу купцов Клыковых. Костромичи служили прототипами классических произведений и других писателей. Крестьянин Савелий из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» проживал в Корежской волости Буйского уезда нашей губернии. Персонажи повести Максима Горького «Фома Гордеев» тоже костромичи.

Были среди жителей Костромы начала века и военные деятели. Так, следует назвать начальника гарнизона, командира 2-й бригады 46-й пехотной дивизии генерала Д. П. Парского. Впрочем, в те годы я не имел о нем, конечно, представления и узнал его интересную биографию позднее. Дмитрий Павлович был прогрессивным военным деятелем. После русско-японской войны он опубликовал ряд статей с требованием немедленно провести военную реформу. А в 1918 году он, старый военный служащий, одним из первых вступил в ряды Красной Армии. Он командовал Северным фронтом, защищая от врагов Советской власти колыбель социалистической революции Петроград.

Помимо духовной семинарии, в Костроме были тогда гимназии, учительская семинария, реальное и епархиальное училища. Нисколько не преувеличивая, скажу, что наша семинария пользовалась среди костромичей немалой популярностью и уж, конечно, не потому, что она была «духовной». Среди других средних учебных заведений она выделялась довольно прогрессивными взглядами своих учащихся. Они вели революционную работу среди рабочих Костромы. Некоторые из них подвергались аресту. Большой известностью пользовались у костромичей ежегодные художественные вечера и концерты, которые устраивали семинаристы.

Упомяну также и о таком, хорошо запомнившемся мне, событии, как забастовка семинаристов. Это произошло в 1909 году, когда учащиеся нашей семинарии присоединились к всероссийской стачке семинаристов, вспыхнувшей в ответ на решение Министерства народного просвещения запретить доступ в университеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. Тогда, насколько я помню, во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия. К нам в семинарию приехал губернатор. Вместе с ректором он уговаривал учащихся прекратить забастовку, забрать петицию, врученную забастовочной комиссией администрации, и возобновить занятия. Но семинаристы осмистали их, и они вынуждены были покинуть актовый зал. Правда, вслед за тем полиция выдворила всех нас из Костромы в течение 24 часов. Семинарию закрыли, и мы вернулись в нее лишь через несколько месяцев, после того, как наши требования частично были удовлетворены.

Большинство учащихся семинарии стремилось использовать ее как трамплин для поступления в светское высшее учебное заведение. Вот что писала, например, в номере от 16 июля 1914 года наша уездная газета «Кинешемец»: «В истекшем учебном году окончило иркутскую духовную семинарию 16 человек, из которых, как сообщает «Сибирь», только двое изъявили желание остаться в духовном звании, а остальные намерены перейти в высшие учебные заведения... Красноярскую духовную семинарию в текущем году... окончило 15 человек. Желающих принять священнический сан среди окончивших нет». Так было и в нашей семи-

нарии. Почти все мы мечтали пойти по стопам таких семинаристов, как Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Все мы отлично знали, что имен но в костромской семинарии учились профессор медицины В. С. Груздев, профессор физики Г. А. Любославский. Знали мы и то, что семинаристами были такие крупнейшие ученые, как академики Ф. И. Успенский и В. Г. Васильевский, В. О. Ключевский и И. П. Павлов, тогдашний ректор Московского университета М. К. Любавский.

Заметный след оставили в моем политическом воспитании события, начавшиеся в Костроме весной 1914 года. Рабочие прядильной фабрики «Большой Кинешемской мануфактуры» потребовали тогда повысить заработную плату, отменить штрафы, уволить некоторых мастеров, ввести 8-часовой рабочий день, прекратить преследования за читку прогрессивных газет. Фабриканты отказались удовлетворить эти требования, и прядильщики объявили стачку. Вслед за ними поднялись рабочие других фабрик. В июне бастовали рабочие всех фабрик Вичуги, Родников и Середы. Немалую роль в организации рабочих сыграл тогда депутат IV Государственной думы от Костромской губернии большевик Н. Р. Шагов, уроженец деревни Клинцово. Он выступал на фабриках, призывал бастовавших действовать решительнее и смелее. 26 июня забастовка перекинулась в Кострому. Картина закрытых фабричных ворот, возбужденных народных толп навсегда осталась в моей памяти... Забастовка приняла еще больший размах с началом первой мировой войны. В результате массовой забастовки рабочие победили – фабриканты вынуждены были удовлетворить их требования.

Новый этап жизни

Военное училище. – юнкерский распорядок. – О чем думал молодой прапорщик. – В запасном батальоне

В июле – августе 1914 года, перед последним классом семинарии, я проводил каникулы, как и прежде, у себя дома, работая вместе с другими членами нашей семьи в поле и огороде. Там-то 20 июля (по старому календарю) я узнал о начавшейся накануне мировой войне. Хотя эта война подготавливалась империалистическими государствами длительное время, делалось это в глубокой тайне от народа. Во всяком случае, объявление войны явилось для нас полной неожиданностью. И уж, конечно, никто не предполагал, что она затянется надолго. Как стало известно впоследствии, даже русский Генеральный штаб, разрабатывая оперативно-стратегический план, рассчитывал закончить войну за 4–5 месяцев, и поэтому все запасы предметов снаряжения и боевого имущества для армии готовились именно на этот срок. Этим отчасти и объяснялась полная неподготовленность страны к производству всего необходимого в нужных для войны размерах. Сложное переплетение интересов империалистических держав и противоречий между ними, вовлечение в борьбу за передел мира все новых участников, придало войне не только мировой, но и длительный характер.

Война опрокинула все мои прежние планы и направила мою жизнь совсем не по тому пути, который намечался ранее. Я мечтал, окончив семинарию, поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт. Но теперь, после объявления войны, меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным. Вернувшись в Кострому, мы с несколькими одноклассниками попросили разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы затем отправиться в армию.

Наша просьба была удовлетворена, и в январе 1915 года нас направили в распоряжение костромского воинского начальника, а в феврале мы были уже в Москве, в Алексеевском военном училище.

Алексеевское военное училище располагалось в Лефортове, сразу же за речкой Яузой, как только перейдешь Дворцовый мост, в так называемых «Красных казармах». В 20-х годах здесь была уже пехотная школа имени народовольца М. Ю. Ашенбреннера; позднее на базе этой школы было создано Тамбовское пехотное училище. В 1945 году ему было присвоено имя маршала Б. М. Шапошникова.

Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного. Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим...

В России было более десяти военных училищ. Первым «по чину» считалось Павловское, вторым – Александровское, третьим – Алексеевское. Созданное в 1864 году Алексеевское училище именовалось ранее Московским пехотным юнкерским, а с 1906 года по велению Николая II ему дали название Алексеевского, в честь родившегося наследника престола. Оно заметно отличалось от первых двух, которые комплектовались выходцами из дворян или, по меньшей мере, детьми из богатых семей. В Алексеевское училище набирали преимущественно детей разночинцев. Иной была судьба и его выпускников. Обычно их ожидала «военная лямка» в провинциальном захолустье. Но это не мешало «алексеевцам» гордиться своим военно-учебным заведением. Выпускники имели свой особый значок. 22 октября отмечали день основания училища. Я в праздновании ни разу не участвовал, ибо пробыл там всего четыре месяца.

Начальником училища был генерал Н. А. Хамин, обладавший правами полкового командира. Его помощником по строевой части являлся полковник А. М. Попов – человек крутого нрава.

Он был убежден, что строгого порядка можно добиться только путем дисциплинарных взысканий. Встречая выпускников, замиравших перед ним «во фронт», он обязательно спрашивал, стояли ли они под ружьем. И если слышал в ответ «нет», тут же отправлял юнкеров под ружье с полной выкладкой, говоря при этом: «Как же вы будете наказывать других, не испытав этого сами?».

Во время моего пребывания в училище имелось пять рот, каждая состояла из двух полурот – старших юнкеров и младших. Роты и полуроты комплектовались строго по ранжиру. Я, имея рост 178 сантиметров, в первую роту не попал и был зачислен в 5-ю роту со смешанным ранжиrom. Роты были сведены в батальон, которым командовал названный выше полковник Попов.

Командиром нашей роты был капитан Г. Р. Ткачук. Он к тому времени уже побывал на войне, получил ранение и носил Георгиевский крест 3-й степени.

Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам. Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной «бутылочки») и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре.

После русско-японской войны иностранцы говорили, что «русские умеют умирать, да только... бестолково». От кого же зависело, чтобы в мировой войне русская армия снискала себе репутацию не только храброй и выносливой, но и умеющей хорошо вести боевые действия? Конечно, прежде всего, от правящих кругов. Многое зависело и от командных кадров. В этом легко было убедиться на примере нашего училища. Нежелание его начальства считаться с требованиями времени отражалось, прежде всего, на подготовке выпускников. Им пришлось постигать многое на фронте, в боевой обстановке, расплачиваясь, порой, жизнью за легкомыслие и косность их учителей. Правда, в нашей роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, побывавшему на фронте, было поставлено значительно лучше, чем в других. Пособия, которыми мы пользовались, устарели. Но и в царской армии были люди, которые понимали необходимость перемен в учебном процессе. Одним из них являлся генерал-лейтенант В. И. Малинко. В 1915 году появилось его «Пособие для подготовки на чин прапорщика пехоты, кавалерии и артиллерии». В нем довольно умело были скомпонованы важнейшие сведения из курсов военной администрации, тактики, артиллерии, стрелкового дела, военно-инженерного дела и топографии. Но пособие вышло в свет уже после того, как я окончил училище.

При поступлении в училище нас зачислили юнкерами рядового звания. Через два месяца некоторых произвели в унтер-офицеры (портупей-юнкеры), а через четыре, в конце 1915 года, состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Царская армия несла большие потери. Остро не хватало командных кадров, и военно-учебное ведомство торопилось. Однако спешка спешкой, а служба службой, так что давно заведенный в училище порядок почти не изменился и в военное время. Распорядок дня у нас был такой. В 5.45 повестка, далее подъем, утренний осмотр, молитва, гимн, чай, занятия. В 12.30 полагался завтрак, потом опять занятия. В 17.45 мы обедали, затем отдыхали и пили вечерний чай. В 21 час в ротном строю мы прослушивали вечернюю зорю, после чего проводились переключка и осмотр, в 23 часа тушили огни. К этому времени все юнкера, за исключением находившихся в суточном наряде, обязаны были лежать и постели. В город нас отпускали редко. Целый кодекс правил существовал для тех, кто был в увольнении. Запрещалось посещать платные места гулянья,

клубы, трактиры, рестораны, народные столовые, бильярдные, бега, торговые ряды на Красной площади и т. д. В театрах и на концертах нам не разрешалось сидеть ближе седьмого ряда партера, и ниже второго яруса лож.

Прапорщик А.М. Василевский. После окончания Алексеевского военного училища, перед отправкой на фронт. Июнь 1915 г.

По окончании училища нас произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия – в любое время. Каждый из нас получил по 300 рублей на обмундирование (существовал обязательный перечень обмундирования. Его приобретало училище под контролем командира роты) и 100 рублей сверх того. Выдали также револьвер, шашку, полевой бинокль, компас и действующие военные уставы. И вот я – 20-летний прапорщик с одной звездочкой на просвете погона. Мне полагалось уметь обучать, воспитывать и вести за собой солдат, многие из которых уже побывали в боях, были значительно старше меня.

Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний?

Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда непременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность.

Нельзя сказать, что четырехмесячное воинское обучение прошло для меня даром. Полезно было понять и сам контраст между той обстановкой, в которой я жил до поступления на военную службу, и той, которая окружила меня в училище. Я жадно впитывал все увиденное и услышанное, старался постичь военную премудрость, меня охватывало сомнение, получится ли из меня офицер? Приходилось ломать себя, вырабатывая командирские навыки. Кое-что дали мне устные наставления моих преподавателей. Много получил я в результате чтения трудов видных русских военачальников и организаторов военного дела, знакомства с их биографиями. Я серьезно изучал сочинения А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Д. А. Милютин, М. Д. Скобелева.

Я твердо усвоил некоторые истины, вычитанные в трудах названных выше авторов. «Не рассказ, а показ, дополняемый рассказом». «Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую». «На первых порах обучай только самому необходимому». «Не столько приказывай, сколько поручай». «Наше назначение – губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо». Так советовал герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов профессор Михаил Иванович Драгомиров. Кое-какие тезисы я решил сделать твердым правилом на все время военной службы: «Поклоняться знамени». «Служить Отечеству». «Блюсти честь мундира». «Близко общаться с подчиненными». «Ставить службу выше личных дел». «Не бояться самостоятельности». «Действовать целеустремленно». Естественно, что эти тезисы не в полной мере соответствуют нашему пониманию принципов взаимоотношений командира с подчиненным. Да я и не мог тогда в силу своей идейной неподготовленности задумываться над такой проблемой. Для меня было важно стать хорошим командиром, и любые советы на сей счет я принимал как откровение.

Могут сказать, что все в них довольно азбучно. Да, здесь нет великих открытий. Но ведь мне предстояло все делать сначала. У меня не было никакого опыта. Мне дала его сама жизнь. Мировая война, Великий Октябрь, гражданская война и служба в Советских Вооруженных Силах – вот мои университеты.

Первые практические уроки искусства командовать пришлось получить в довольно сложных условиях. В июне 1915 года меня направили в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Короткое время пребывания в этом богатом памятниками русской старины городке не забуду никогда. Батальон состоял из одной маршевой роты солдат и насчитывал около сотни офицеров, предназначавшихся для отправки на

фронт. Это были в основном молодые прапорщики и подпоручики, недавно окончившие военные училища и школы прапорщиков. Было несколько человек более пожилого возраста.

Я довольно быстро познакомился с обстановкой, походил по городу, полюбовался Кремлем, осмотрел знаменитые мастерские по изготовлению металлических художественных изделий с финифтью (то есть покрытых цветной эмалью).

Дней через десять пришло распоряжение об отправке этой роты на фронт. Собрали всех офицеров. Надо было из желающих отправиться на фронт назначить ротного командира. Предложили высказаться добровольцам. Я был уверен, что немедленно поднимется лес рук, и прежде всего это сделают офицеры, давно находившиеся в запасном батальоне. К великому моему удивлению, ничего подобного не произошло, хотя командир батальона несколько раз повторил обращение к «господам офицерам». В зале воцарилась мертвая тишина. После нескольких довольно резких упреков в адрес подчиненных старик-полковник сказал, наконец: «Ведь вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать Родину?». По-прежнему молчание. Тогда комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров. Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщики. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправляющуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщиков заявили о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением...

На фронт я попал не сразу. До сентября 1915 года пришлось побывать в ряде запасных частей. Наконец, я оказался на Юго-Западном фронте. Командовал им тогда генерал-адъютант Н. И. Иванов, известный тем, что подавлял восстание кронштадтских моряков в 1906 году. В военном отношении он был весьма бездарен.

Крещение огнем

9-я армия. – 103-я пехотная дивизия и 409-й Новохоперский полк. – Первые фронтовые впечатления. – Сердце русского солдата. – Участие в Брусиловском наступлении. – За плечами Северная Буковина. – Новые надежды

Штаб Юго-Западного фронта направил меня в 9-ю армию составлявшую левое крыло не только нашего Юго-Западного, но и всего русско-германского фронта. С осени 1915 года и вплоть до весны 1916 года эта армия располагалась на позиции от Латача у Днестра до Бонна на Пруте, протяжением около 90 км. На севере она примыкала к позициям 7-й русской армии, а на юге – к румынской границе.

9-й армией командовал генерал П. А. Лечицкий, единственный в то время командующий армией, вышедший не из офицеров Генерального штаба, то есть не получивший высшего военного образования. Но зато это был боевой генерал: в русско-японской войне он командовал полком и был известен в войсках как энергичный военачальник. Уже в начале мировой войны 9-я армия наступала на Галицию с севера, от Варшавы. Весной 1915 года, когда немцы осуществили Горлицкий прорыв, 9-я армия вместе с другими отступила. Осенью 1915 года армия по прежнему носила 9-й номер, но была совершенно иной по составу. Офицеры в ней были преимущественно из прапорщиков запаса или, вроде меня, окончившие ускоренные офицерские училища и школы прапорщиков, а также из подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Унтер-офицерами, в большинстве своем, стали отличившиеся в боях солдаты. Основную массу пехоты составляли крестьяне, прибывшие из запаса, или крайне слабо и наспех обученные новобранцы.

Генерал Лечицкий часто бывал в войсках, и мне не раз приходилось видеть его в различной фронтовой обстановке. Малоразговорчивый, но довольно подвижный, мне, молодому офицеру, он показался, однако, несколько дряхлым.

Из Каменец-Подольского, где находился штаб армии, мы с Сережей Рубинским, прапорщиком, земляком-кинешемцем, проделали на повозке еще около 30 верст, чтобы попасть в 103-ю пехотную дивизию. Здесь мы стали полуротными командирами: я – во второй роте первого батальона, он – в восьмой второго батальона 409-го Новохоперского полка. Здесь и началось мое боевое крещение. Я впервые оказался под обстрелом, узнал, что такое артиллерийская шрапнель, граната, минометный огонь. Вот когда я по-настоящему почувствовал, что мирная жизнь осталась далеко позади.

Войска 9-й армии в течение осени и зимы 1915 года занимали невыгодную для обороны линию и вели позиционные бои, в районе к западу от города Хотин против войск 7-й австро-венгерской армии генерала Пфлянцер-Балтина. Обе воюющие стороны вросли в окопы. Первый батальон нашего полка, а с ним и моя вторая рота, занимали позиции непосредственно западнее деревни Ржавенцы, где размещался штаб полка. Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля, без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были отрыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее – для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали.

Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими.

Оборонительные позиции врага выглядели неплохо оборудованными, в чем мы смогли убедиться, овладев ими. Русские солдаты, к сожалению, не имели таких условий. И от ливней, и от заморозков они спасались под своей шинелью. В ней и спали, подстелив под себя одну полу и накрывшись другою; на ней же зачастую выносили из боя раненых. А солдатским оружием по тому времени была трехлинейная винтовка образца 1891 года, многократно проверенная и испытанная. Она не боялась непогоды и грязи, была проста и надежна. Своих винтовок царской армии уже не доставало. Многие солдаты, в частности весь наш полк, имели на вооружении трофейные австрийские винтовки, благо патронов к ним было больше, чем к нашим. По той же причине, наряду с пулеметами «Максим», сплошь и рядом в царской армии можно было встретить австрийский Шварцлозе. Не лучше было и с артиллерией. Правда, орудия отечественного производства были хорошими, артиллеристы стреляли метко. Но не хватало гаубиц, тяжелых пушек и артиллерийских снарядов всех систем.

Весной 1916 года 9-ю армию основательно пополнили личным составом, готовя ее к наступлению. В 103-й дивизии имелось 16 батальонов по тысяче человек в каждом, но лишь 36 легких полевых орудий и 30 бомбометов при 32 штатных пулеметах. К тому времени большинство офицеров дивизии уже побывало в боях, однако кадровых командиров, как уже говорилось, оставалось сравнительно мало, не более 8–10 на полк, ибо значительная их часть погибла. Так, сильный урон понесли мы в середине декабря 1915 года, когда в течение недели пытались прорваться западнее Хотина. Удалось оттеснить австрийцев верст на 15 и продвинуться до линии Доброновце – Боян. А затем армия вновь перешла к позиционной войне.

В течение зимы полк неоднократно выводился из окопов на отдых в дивизионный резерв. Эти дни использовались, прежде всего, для санитарной обработки солдат в полевых банях-землянках, построенных их же руками, для починки или замены износившегося обмундирования, снаряжения и оружия и, конечно, для отдыха. Если нахождение в резерве затягивалось, занимались и военной учебой. С нами, младшими офицерами полка, занятия вели командиры батальонов. Как правило, дело сводилось к коллективной читке уставов – строевого, полевого, дисциплинарного и внутренней службы. Солдат же в основном изводили муштрою, надеясь тем самым добиться от них дисциплинированности. Еще по прибытии в полк многие офицеры предупреждали меня о низкой дисциплине, причем не только среди рядовых, но даже среди унтер-офицеров. Кое-кто советовал мне при этом меньше либеральничать и побольше следовать старому прусскому правилу, гласившему, что солдат должен бояться палки капрала сильнее, чем пули врага. Я не собирался следовать подобным советам. Мне было хорошо известно, что в армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходцы главным образом из имущих классов, дети дворян-помещиков, банкиров, заводчиков, фабрикантов, купцов и буржуазной интеллигенции, с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам. Большинство офицеров видело в палке капрала главное средство воспитания солдат. Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И. К. Сарафова.

Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немыслимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам.

Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства, заботились о них. Такими были генералиссимус Л. В. Суворов и генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов, офицеры-декабристы, поручики наиболее передовой части русского офицерства. Такие офицеры

находили путь к сердцу и разуму солдат, хотя из-за классового антагонизма, существовавшего в царской армии между солдатами и офицерами, путь этот был непростой.

Что касается меня, то я старался следовать науке обращения с подчиненными, которую извлекал из прочитанных книг. Особенно запали мне в сердце слова М. И. Драгомирова. Он еще в 1859 году, находясь при штабе Сардинской армии, во время австро-итало-французской войны, начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в воинском деле. У меня на фронте были с собой выписки из его работ.

Понятно, что не все и не сразу получалось у меня гладко. Интересы солдат и цели воевавшей царской армии были слишком различными. Однако я оставался верным принципам Драгомирова. Постепенно это дало свои результаты. В частности, у меня, как правило, почти не возникало никаких недоразумений с подчиненными, что в то время было редкостью.

Весной 1916 года, незадолго до начала Брусиловского прорыва, я был назначен командиром первой роты. Через некоторое время командир полка полковник Леонтьев признал ее одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Как мне кажется, успех объяснялся доверием, которое оказывали мне солдаты. Я до сих пор помню некоторых солдат. Через много лет после Великой Отечественной войны я получил несколько писем от своих сослуживцев, живо напомнивших мне то нелегкое время. Я был очень благодарен им и позволю привести из их писем выдержки, которые мне очень дороги.

В январе 1946 года бывший рядовой первой роты 409-го Новохоперского полка А. Т. Кисличенко (село Студенец, Каневского района, Киевской области) на мой ответ на его первое письмо писал мне: «Через 28 лет Вы не забыли, с кем влачили окопную жизнь на фронте... В эту Отечественную войну я опять был в армии, не холост, как в ту войну, а вместе с сыном – политруком Васей, который погиб под Ленинградом в марте 1942 года... Фашисты поглумились над моей родной деревней, сожгли все 200 дворов, разрушили колхозное хозяйство, но мы уже на 60 % восстановили. Живу в колхозе... На память посылаю Вам собственное стихотворение». Начиналось оно словами: Мне помнятся те дни невзгод, страданий. В ущельях вздыбленных Карпат... Эти воспоминания хранят и другие мои боевые товарищи. Житель финского города Турку (Або) А. В. Эйхвальд писал мне в 1956 году: «Осенью текущего года исполнится 40 лет со времени боев на высотах под Кирлибабой. Помните ли Вы еще Вашего финского младшего офицера первой роты славного 409-го Новохоперского полка, участвовавшего в них?».

И сейчас пишет мне из Киева бывший младший офицер нашей роты, старый партиз, ныне персональный пенсионер, Михаил Васильевич Кравчук. Несмотря на то, что прошло более полувека с тех пор, моя дружба с этим изумительнейшей души человеком нисколько не увяла.

Приятным сюрпризом была для меня еще одна встреча с прошлым, которая произошла благодаря уфимцу Ф. Т. Мухаметзянову. Он прислал мне фотографию, на которой изображены мы с бывшим адъютантом 409-го полка Константином Дмитриевичем Бездетновым. Мы были с ним очень дружны. До назначения на должность адъютанта он был офицером одной из рот, в полк поступил примерно в одно время со мной, тоже по окончании школы прапорщиков. Снимок сделан в августе 1917 года в Одессе, куда я, временно исполнявший в те дни должность командира батальона, был командирован после серьезных боев, а К. Д. Бездетнов находился там на излечении. С фотографии глядят два молодых бравых поручика. Ф. Т. Мухаметзянов пишет, что в декабре 1971 года вместе с фотокорреспондентом газеты оказался в деревне Вечтомовке, Бураевского района, Башкирской АССР, у учителя-пенсионера Дмитрия Григорьевича Рябкова, бывшего также моим другом по 409-му полку, который и показал им фото. На обороте моей рукой написано: «На добрую память Мите. 12. VII. 17 г.» Поверх снимка видны два адреса – К. Д. Бездетнова и мой. Как сообщил Д. Г. Рябков, он и Бездетнов, вместе служили в 409-м полку, где Дмитрий Григорьевич Рябков был командиром роты. Он работал учителем

начальной школы в башкирских деревнях, открывал там первые русские классы. Теперь ему за 80. Эта фотография всколыхнула пережитое, навела воспоминания. Я припомнил наши многочисленные беседы, которые мы вели в те дни с Дмитрием Григорьевичем. В них я который раз убеждался, что передовая часть старого офицерства неизбежно должна была прийти к мысли, что ее долг – всегда и во всем быть вместе со своим народом, служить ему, защищать его интересы. Именно эти офицеры сразу признали Советскую власть, хотя пришли к этому признанию по-разному.

Но вернусь к фронтовым будням. Весной 1916 года подготовка к весенне-летней кампании и разработка плана действий войск на русско-германском фронте проходила под сильным нажимом объединенного командования англо-французских войск на западноевропейском театре военных действий. От России требовали начать крупное наступление сразу же по окончании весенней распутицы, чтобы не дать противнику возможности перебросить свои войска с Восточного фронта на Западный. По утвержденному царской ставкой плану главный удар из района Молодечно на Вильно должен был нанести Западный фронт, которым командовал генерал Эверт. На Юго-Западный фронт, в командование которым в конце марта 1916 года вступил генерал А. А. Брусилов, возлагалась задача нанести предварительный энергичный удар на Луцк и далее на Ковель силами 8-й армии из района к северу от Дубно. Это облегчило бы наступление войск Западного фронта. Сосредоточив на направлении главного удара 8-й армии А. М. Каледина большое количество сил и средств, А. А. Брусилов решил наступать одновременно сразу на участках всех своих армий, с тем, чтобы лишить врага возможности маневрировать резервами. Южнее 8-й армии должна была нанести удар на Броды и далее, на Львов, 11-я армия генерала В. В. Сахарова. Еще южнее, на Галич, наступала 7-я армия генерала Д. Г. Щербачева, и, наконец, наша, 9-я армия двигалась на Коломыю.

Войска 9-й армии за зиму несколько отдохнули, оправились от неудач 1915 года и заблаговременно готовились к наступлению. Против нас по-прежнему стояла 7-я австрийская армия генерала Пфлянцера-Балтина; солдаты, а в некоторой мере и офицеры, радовались, что нам придется иметь дело не с немцами, а с австрийцами, которые были слабее. В начале каждой артиллерийской перестрелки мы поглядывали на цвет разрыва и, увидев знакомую розовую дымку, которую давали австрийские снаряды, облегченно вздыхали. В составе 9-й армии готовились к наступлению 33-й, 41-й и 11-й пехотные корпуса. На ее левом фланге дислоцировались не входившие в постоянные корпуса 82-я и наша, 103-я, пехотные дивизии, а еще левее – 3-й кавалерийский корпус. Две упомянутые дивизии длительное время сражались рядом, и нередко их объединяли в сводный корпус, которым в этих случаях командовал почти всегда начальник 82-й дивизии генерал М. Н. Промтов. Перед Брусиловским наступлением обе бригады нашей дивизии занимали 10-верстный участок северо-западнее Бонна. Перед нами растянулась водная гладь реки Прут шириной в 40 м и глубиной в 4 м. Мосты через реку были взорваны, весеннее половодье сделало реку многоводной, закрыло броды. Правый берег реки был выше левого, и противнику было легче просматривать наши позиции.

Наступать в полосе сводного корпуса в условиях весенней распутицы казалось нелегким делом. И все же мы с нетерпением поглядывали вперед, хотя и знали, что нас ждут сильные вражеские укрепления и огонь тяжелой артиллерии. От непогоды траншеи наших окопов раскисли. В убежищах для отдыха было крайне сыро и неудобно. «Лисьи норы», сделанные в течение зимы, в которых мы укрывались при артобстреле, осели. Ходы сообщения были очень узкими. Встречным в них трудно было разойтись, а переноска раненых требовала чуть ли не цирковой ловкости. Вдали виднелись уступы Восточных Карпат, покрытые лесами. Все надеялись, что там, сбив неприятеля с его позиций, мы обретем более сносные условия. И вот, снова и снова, мы изучаем ряды кольев с проволокой перед чужими окопами, считаем рогатки, подтаскиваем по ночам пулеметы к гнездам с трехсторонним обстрелом, продолжаем устраивать бойницы для дополнительного наблюдения.

Артиллерийской подготовкой 22 мая началось знаменитое наступление войск Юго-Западного фронта, вошедшее в историю под названием «Брусиловского прорыва». И хотя его результаты по вине соседнего, Западного фронта и верховного командования, в должной мере, использованы не были, оно приобрело мировую известность, повлияв на ход и исход Первой мировой войны. Немалое значение имело оно и для меня лично, так как по-своему способствовало формированию моих взглядов на ведение боя. Закалка, которую я приобрел во время наступления, помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы Гражданской войны. Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освободить Карпатские земли.

Должен сказать, что картины, которые пришлось наблюдать, после того, как Буковина осталась позади, укрепляли в нас именно это представление. Местные жители, которые именвались тогда русинами, встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в «русофильстве». Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь «Телергоф», о котором ходили страшные легенды. Провинция, плодородная и обычно довольно богатая, была сильно опустошена. Война повсюду оставила свои зловещие следы.

Наступление развивалось так. В первые же дни мая 41-й и 11-й корпуса нанесли удар на участке Онут – Доброновце. Наш сводный корпус двинулся 24 мая. Тут, в районе Нейтральной горы, австрийцы произвели газобаллонную атаку, и в 412-м пехотном полку, как рассказывали, пострадало до сорока человек. Началась паника. Суток двое напряженно, до рези в глазах, все вглядывались в сторону позиций противника. Принимали за газы каждое облачко или небольшой сгусток тумана и радовались, когда ветер дул не в нашу сторону. Положение изменилось 28 мая, когда линия вражеской обороны была прорвана. Между прочим, австрийские укрепления отличались от немецких той особенностью, что немцы вторую и третью линии обороны делали едва ли не сильнее первой, австрийцы сосредоточивали главные усилия именно на первой. Прорвешь ее – и покатился фронт вперед!

Так было и на сей раз. Пока правый фланг продвигался к Садагуре и Котцману, а оттуда стал поворачивать на северо-запад к Станиславу (Ивано-Франковску) и Делятину, наш левый фланг форсировал Прут, захватил Черновицы (Черновцы) и устремился на юго-запад и юг. 9-я армия шла с боями как бы веером, расширяя свое оперативное пространство. 3-й кавкорпус направил свои дивизии вдоль румынской границы, отсекая Румынию от Австро-Венгрии, а наша пехотная дивизия, его ближайший сосед, преодолела хребты Обчина-Маре и Обчина-Фередэу. В приказе по армии сообщалось, что при взятии Черновиц отличился командир роты Новоузенского пехотного полка капитан Самарцев, первым ворвавшийся в город.

Между тем местность заметно повышалась. В долине Прута предгорья поднимались на 120 м, в долине реки Серет-Молдавский мы находились на высоте уже 270 м над уровнем моря, в долине Сучавы – на 360 м, в долине Молдовы – на высоте 430 м. Нам приходилось форсировать ряд мелких речушек. Дороги, которыми мы шли в густых лесах, по мере продвижения переходили в горные тропы. Пейзаж становился все более суровым: угрюмые ущелья, высокие, до двух километров пики.

Нижняя Буковина осталась позади. Начались селения гуцулов. Все чаще нам приходилось располагаться под открытым небом. Этот период быстрого наступления помог мне приобрести недостающий опыт руководства подразделением во встречном бою и на марше. Я внимательно наблюдал за действиями старших по должности. Подмечал не только их приемы вождения войск, но и методы общения с «нижними чинами». И снова бросалось в глаза наличие тех же тенденций. Одни офицеры вообще считали излишним думать об этом и поступали как бог на душу положит; другие полагали, что лучшее средство повседневного общения с

солдатами – жестокость и как можно более строгие наказания. Третьи пытались найти дорогу к сердцу подчиненного, однако каждый – по-своему. Расскажу, в частности, о том, как делал это командир 3-го кавкорпуса граф Ф. А. Келлер, храбрый солдат, но посредственный, мягко говоря, военачальник.

Познакомиться с ним мне довелось при следующих обстоятельствах. Дойдя в Карпатах до долины реки Бистрица, мы надеялись в несколько дней добраться до перевалов на хребте Родна и спуститься в Трансильванию. Однако темп наступления замедлился.

Австрийцы зацепились за перевалы. 9-я армия потеряла в ходе черновицкого прорыва до половины личного состава, и мы топтались в течение июля и августа на месте, в районе Кирлибаба, Кимполунг, Якобени, Дорна-Ватра, а затем вообще остановились. Однажды генерал Келлер потребовал для охраны своего штаба, разместившегося в Кимполунге, пехотный батальон. Наш 409-й полк, находившийся в резерве, оказался подчиненным ему. Послали первый батальон, во главе которого, после потери в боях большого числа офицеров, оказался я. Прибываю в расположение кавкорпуса и докладываю начальнику штаба. Тот удивленно смотрит на меня, интересуется, сколько мне лет (мне шел тогда 22-й год), и уходит в другую комнату здания. Оттуда выходит Келлер, человек огромного роста, с улыбкой смотрит на меня, затем берет мою голову в свои ручищи и басит: «Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами!».

Именно тогда, находясь несколько дней при штабе кавкорпуса графа Келлера, мне довелось наблюдать картины, вроде, например, такой. В стороне от нашего батальона, проводившего занятия на небольшом плацу, на опушке леса по дороге прогуливался граф. Едет мимо казак. Командир корпуса, будучи по самой природе своей до мозга костей монархистом и держимордой, но разыгрывая из себя на глазах подчиненных демократа, подзывает его, садится рядом с ним на срубленное дерево, угощает табачком и ведет непринужденную беседу. Затем отпускает «осчастливленного» солдата. Мне, однако, такой «метод» общения был ни к чему, ибо я и без того проводил все дни и ночи вместе с батальоном.

14 августа 1916 года Румыния, преодолев двухлетние колебания, объявила Австро-Венгрии войну. Ближайшие же месяцы показали, что наша новая союзница совершенно не была готова к военным испытаниям и уже к ноябрю потерпела поражение. Пал Бухарест. Треть всей румынской армии попала в плен. Оставшиеся боеспособные части отвели в провинцию Молдова, и в декабре они заняли позиции от Монастырки до Ирештидевице. Русскому командованию пришлось сдвинуть весь фронт на юг, чтобы прикрыть Бессарабию. Возник новый, Румынский фронт: севернее 2-й румынской армии теперь стояла наша 9-я армия, а русские 4-я и 6-я армии заслонили открытый участок фронта, от Ирештидевице до Черного моря. 103-ю дивизию бросали с участка на участок. Мы то прикрывали от наступающих через Румынию немцев город Бакэу, то в районе Гимеша держали оборону против соединений германской армии генерала Герока. Не раз приходилось сражаться бок о бок с новыми союзниками, и мы вдоволь насмотрелись на бытовавшие у них в армии и возмущавшие нас беспорядки.

Между тем положение резко осложнилось. 9-я армия стояла на участке протяженностью в 200 верст. Снабжение стало плохим. Среди румын росла германофильская пропаганда, и к нам они относились не очень-то дружелюбно. Ряд высокопоставленных румынских военнослужащих перешли на сторону противника. С получением в марте 1917 года известия о том, что в Петрограде революция, что царь отрекся от престола, в жизни нашего полка, дивизии, армии, Румынского фронта и всей России началась новая полоса.

Не успели войска присягнуть новой власти, как обстановка снова круто изменилась. Возникли солдатские Советы и комитеты. Большевики повели борьбу за народные массы, а на фронте – прежде всего за солдат, основную часть которых составляли крестьяне. Большевистская ячейка, вскоре появившаяся в Новохоперском полку, действовала активно и целеустремленно, стремясь оторвать солдат от мелкобуржуазных соглашателей и повести за собой «ниж-

ние чины». Приводя в беседах с рядовыми простые, понятные, хорошо знакомые примеры из фронтовой жизни, агитаторы-большевики Киченко, Середа и другие разъясняли солдатам программу своей партии, агитировали против продолжения империалистической войны, рассеивали иллюзии «революционного оборончества» и веру во Временное правительство.

Рост влияния большевиков определялся отчасти тем, как далеко находились армии от столицы. Северный фронт революционизировался быстрее Западного, Западный – быстрее Юго-Западного, а тот – быстрее Румынского. На нашем, Румынском, фронте реакционные силы имели значительное влияние и всячески противодействовали политической работе большевиков.

Русскими войсками на Румынском фронте командовал монархистски настроенный генерал Щербачев, сменивший своего единомышленника генерала Сахарова, который возглавлял до него русские вооруженные силы в Румынии. Эсерово-меньшевистский центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод) активно поддерживал политику Временного правительства. Возникший в те дни «Военно-революционный комитет фронта» находился всецело в руках эсеров и меньшевиков. Таким же в большинстве своем оказались и комитеты, созданные в армиях, корпусах и дивизиях. И командование, и эти комитеты прилагали все усилия к тому, чтобы помешать проникновению в войска сведений о революционных событиях в стране, особенно в Петрограде. Только благодаря большевикам правдивые вести все же просачивались в полки. Командование всячески стремилось не допустить «самочинных» солдатских собраний и митингов. Тем не менее, в частях все чаще слышались прямые призывы к невыполнению распоряжений офицеров и Временного правительства, ибо эти распоряжения шли вразрез с чаяниями и думами солдатских масс. Особенно усилились брожения среди рядовых в конце июня, когда провалилось наступление войск Юго-Западного фронта под Львовом. Приехавшие к нам эсерово-меньшевистские делегаты I Всероссийского съезда Советов тщетно призывали к продолжению войны. Солдаты рвались домой. Провалилось и июльское наступление на Румынском фронте.

Георгиевский крест с лавровой ветвью. Таким награждались после февраля 1917 года офицеры, отличившиеся в бою.

Среди офицерского состава, в том числе и в нашем полку, чувствовалась некоторая растерянность. Значительная часть кадрового офицерства, монархически настроенная и не желавшая вообще никакой революции в стране, откликнулась в августе на призыв нового верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова и была официально направлена в его распоряжение. Другая часть офицеров, особенно из тех, что пришли в армию в период войны (прежде

всего наиболее прогрессивная в 26-м корпусе нашего фронта), постепенно сближалась с солдатскими массами.

Этой дорогой, сначала медленно, а затем все быстрее, шел и я. Падение монархии я встретил с энтузиазмом. Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую – те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! – отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес Корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству.

Полк наш после тяжелых боев восточнее Дорна-Ватра, находясь в резерве 4-й армии генерала А. Ф. Рагозы, отдыхал под городом Аджуд-Ноу. Мы ловили каждое слово, доносившееся до нас из тыла, внимательно слушали рассказы о демонстрациях гражданского населения и гарнизонов в Яссах, Кишиневе, Одессе и других крупных городах и ждали решающего поворота в событиях, понимая, что существующая неопределенность – временное явление. Под Аджуд-Ноу и застало нас потрясшее всех сообщение о грянувшей Октябрьской революции. Солдаты бурно обсуждали Декреты о мире и о земле, бросали винтовки, братались с австрийскими солдатами, открыто высказывали недовольство начальством и приветствовали новую власть, выражающую интересы народа.

Ненавистным офицерам порой грозил самосуд. Углубился раскол и в среде офицерства. Еще недавно мы сидели за одним столом, а теперь бывшие товарищи по оружию злобно глядят друг на друга. Видел такие злые взгляды и я – за то, что признал Советскую власть, «якшаюсь с большевиками» и бываю в Совете солдатских депутатов.

Назревало и во мне решение оставить военную службу. Нам было известно, что правительство рабочих и крестьян ведет переговоры о заключении мира. Началась стихийная демобилизация. Почему же я должен сидеть в Румынии во имя неведомой мне цели? Было время, когда я вел солдат в бой и полагал, что исполняю долг русского патриота. Теперь выяснилось, что народ обманывали, что ему нужен мир. Старая армия и Советское государство несовместимы. Значит, военной карьере пришел конец. С чистой совестью готовился я отдаться любимому делу, трудиться на земле. В конце ноября 1917 года я уволился в отпуск. С одними товарищами обнялся на прощанье, другие не пожелали подать мне руки, третьих я сам не хотел видеть...

С трудом миновав Украину, где обстановка осложнялась с каждым днем, я добрался до коренных русских губерний. И здесь политические страсти кипели вовсю. Жадно впитывая в себя новые впечатления, но, не задерживаясь нигде на долгое время, я торопился увидеть родные места и в декабре был уже дома.

Первые шаги в борьбе за Советы

Инструктор всевобуча. – Смена профессии. – Опять в деревне. – Подъяковлевская школа. – Снова за оружие! – Доверие партии. – Тульская дивизия...

Отдых в родных местах длился недолго. Я быстро убедился, что обстановка в стране не такая, чтобы думать о сельскохозяйственном вузе. Встал вопрос: чем заняться? Нужно было искать средства к существованию, а главное – подумать о твердом выборе дальнейшего жизненного пути. И как раз в это время, в конце декабря 1917 года, Кинешемский уездный военный отдел при местном Совете переслал мне телеграфное сообщение о том, что общее собрание 409-го полка, в соответствии с действовавшим тогда в армии принципом выборного начала, избрало меня командиром полка. Поэтому солдатский комитет предлагал мне немедленно вернуться в свою воинскую часть и вступить в командование. Однако военотдел, ссылаясь на сложившуюся на Украине обстановку, рекомендовал мне остаться дома и искать себе применение на месте.

Что же происходило в те дни на Украине? 31 октября 1917 года власть в Киеве перешла в руки Советов. Но буржуазно-националистическая Центральная рада, возникшая еще при Временном правительстве, свергла Советы, заявила о неподчинении Петрограду, вступила в союз с мятежным донским атаманом Калединым и договорилась с командующим войсками Румынского фронта Щербачевым, что Румынский и Юго-Западный фронты сливаются под его руководством в единый Украинский фронт, подвластный раде. Советская власть сохранилась в Харькове, где I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину социалистической республикой, но на большей части ее территории пока распоряжалась рада. 409-й полк, вместе с другими воинскими частями, которые оказались временно под командованием Щербачева, могли быть втянуты в антисоветскую авантюру. В этих условиях разумнее было прислушаться к рекомендации нашего военотдела. Я обратился туда с просьбой использовать меня на военной работе. И через некоторое время меня назначили инструктором всевобуча в Углецкой волости Кинешемского уезда.

В первой половине 1918 года всевобуч прошел через несколько этапов своего развития. 15 января 1918 года был издан декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и при Наркомате по военным и морским делам создана Всероссийская коллегия по формированию РККА. Она развернула активную работу в центре и на местах. В частности, были взяты на учет все военные специалисты и кадровые офицеры. В марте 1918 года VII съезд РКП(б) принял решение о всеобщем обучении населения военному делу. Накануне «Известия ВЦИК» напечатали призыв: «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин, каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, револьвера или из пулемета!». Руководить их обучением, уже практически начавшимся в губерниях, уездах и волостях, должны были военные комиссариаты, образованные согласно декрету Совнаркома РСФСР от 8 апреля. При Всероссийском главном штабе 7 мая был учрежден Центральный отдел всевобуча во главе с Л.Е. Марьясиным, местные же отделы создавались при военкоматах. 29 мая ВЦИК издал первое постановление о переходе от комплектования армии добровольцами к мобилизации рабочих и беднейших крестьян.

В июне 1918 года состоялся I съезд работников всевобуча, принявший важные решения. В соответствии с ними строилась и деятельность органов всевобуча на местах. Еще в январе в Костроме возник губернский военотдел с учетным подотделом. Наркомат по военным делам опубликовал инструкцию о порядке работы таких органов, были открыты вербовочные пункты для записи добровольцев в РККА, и впервые развернулось широкое обучение военному делу. В

феврале – марте костромичи и кинешемцы, преимущественно рабочие, записываются в пролетарские красноармейские отряды. Военотделы занимались их обучением. 21 марта, в тот самый день, когда было отменено выборное начало в Красной Армии (приказом Высшего военного совета РСФСР), Всероссийская коллегия обратилась к специалистам военного дела, ко всем офицерам старой армии с призывом идти в РККА на командные должности.

У нас в губернии сразу же нашлись десятки желающих отдать свои знания и способности молодой Советской власти. 31 марта были образованы военные округа, и Костромская губерния вошла в Ярославский военный округ, который возглавили окружной военный руководитель Н. Д. Ливенцев и комиссары В. П. Аркадьев и С. М. Нахимсон. Уже к июню 1918 года в РСФСР было 1,3 тыс. инструкторов всеобщего.

Бывшие офицеры являлись преимущественно сотенными инструкторами; бывшие унтер-офицеры – взводными и отделенными инструкторами. Сначала во всеобщем вовлекались в основном рабочие, с весны 1918 года – бедное крестьянство, а с лета – уже и середняки. Обучаемых (в возрасте от 18 до 40 лет) распределяли на группы: проходивших ранее военную службу и не проходивших. Первых частично доучивали, а потом многие из них становились инструкторами. Ротам, как правило, присваивали названия по поселкам, откуда было большинство обучавшихся. Учили сначала одиночек, затем звеньями, отделениями, повзводно, поротно. В конце занятий проводили общее показательное учение. Занятия продолжались шесть или два часа ежедневно – в зависимости от того, были обучаемые оторваны от производства или нет. Первую официальную программу проведения всеобщего, очень краткую, мы получили в апреле. Затем появились расширенные программы. Я помню их три – недельную, 7-недельную и 14-недельную.

Во вступлении к краткой программе объяснялась политическая обстановка, вызвавшая необходимость обучения. «С часу на час можно ожидать открытого выступления врага, – говорилось в нем, – чтобы покончить с Великороссией, как это сделано с Украиной, и лишить народ всех достигнутых революцией завоеваний. Нельзя поэтому рассчитывать не только на 4-месячный срок обучения, как это делалось для новобранцев, но и на 8-недельный, как это делалось в запасных частях. Может встретиться надобность в обучении населения военному делу в недельный срок и воспользоваться для показательных тактических учений, если противник даст время, еще тремя днями».

Недельная, 42-часовая программа предусматривала обучение стрелковому делу (устройство винтовки, уход за ней), ведению стрельбы, строевому делу (построения, команды, порядок огневого боя), полевой службе (охранение, разведка), окопному делу (рытье ячеек и окопов, использование гранат). Если появлялась возможность удлинить обучение еще на три дня, 18 часов, обучали еще и наступлению, ночному бою и подрывному делу.

7-недельная программа при двух часах занятий ежедневно состояла из 26 учебных часов тактики, 35 – стрелкового дела, 8 – окопного дела, 8 – на гранату и пулемет, 8 – на устав, 13 часов – на практическую проверку. При обучении пользовались старыми, давно проверенными правилами элементарной методики:

«Учи показом, а поясняй рассказом»;

«Показывай так, чтобы видели все, а проверяй усвоение по одному»;

«Об умении суди по исполнению, а не по рассказу».

Не хватало винтовок, патронов, наглядных пособий. Инструкторам приходилось во многом полагаться на собственную изобретательность и на энтузиазм обучаемых. Особенно активизировались занятия после июня, когда начались развернутые призывы в РККА по мобилизации. Число инструкторов резко возросло. Из них примерно пятая часть являлась бывшими офицерами, остальные – унтер-офицерами. Дело налаживалось. Неплохо шло оно, как мне казалось, и у меня. Однако я все же не получал полного удовлетворения. Мне казалось, что я мог бы принести больше пользы, так как имел уже некоторый боевой опыт. Однако военотдел

не привлекал меня к более активной работе по защите Советской Родины. Видимо, сказывалось некоторое недоверие ко мне, как к выходцу из семьи служителя культа, офицеру царской армии, имевшему чин штабс-капитана. Я понимал, что такая осторожность в условиях ожесточенной классовой борьбы вполне объяснима, и старался спокойно и упорно выполнять полученное задание, ибо только честным трудом можно было завоевать доверие Советской власти. Но время шло, а на более активное использование моего военного опыта намека так и не было. Как-то, в августе, я прочел сообщение в газете о наборе кадров для работы в сельских школах Тульской губернии. Диплом об окончании духовной семинарии давал мне право стать учителем начальной школы. В семинарии мы проводили практические занятия в существовавшей при ней начальной школе. Мои уроки признавали удачными. Сообщение в газете натолкнуло на размышление, а не стать ли мне сельским учителем? Ведь можно служить трудовому народу и на этом поприще. Стране, как никогда, нужно грамотное молодое поколение, которому в будущем придется сменить старших и строить новую жизнь. И я, с разрешения Уездного военкомата, подал заявление с просьбой зачислить меня учителем.

Довольно быстро мне дали назначение, и в сентябре 1918 года я прибыл сперва в начальную школу села Верховье, а затем села Подъяковлево, Голунской волости, Новосильского уезда.

Новосиль, в котором мне пришлось побывать много лет спустя в период Великой Отечественной войны, стоит в самом центре старорусских земель. Входя ныне в Орловскую область, этот городок находился тогда на территории Тульской губернии, неподалеку от станции Залегощь железной дороги Брянск – Елец. Места здесь удивительно красивые. Долина живописной реки Зуши, одного из верхних притоков Оки, пересекается холмами, широкие дубовые леса перемежаются с лесостепью.

Климатические условия здесь более благоприятны для земледелия, чем в моей родной стороне. Но крестьян заедало малоземелье. Аграрная проблема была здесь наиболее острой. Противоречия между кулаками, середняками и бедняками выливались в ожесточенную классовую борьбу, свидетелем которой мне сразу пришлось стать.

В то время создавалась новая, советская система среднего образования. Возникла единая трудовая школа. Кадров для нее не доставало. К тому же многие учителя шли за Всероссийским учительским союзом (ВУС), который стоял на антисоветских позициях. Большую роль в жизни местной школы сыграл состоявшийся в сентябре 1918 года I Тульский губернский съезд учителей и деятелей народного образования. Съезд призвал губернское учительство порвать с ВУСом, активно помогать Советской власти и служить трудовому народу. Началось размежевание. Одни преподаватели пытались вести обучение по-старому, другие стали на новый путь.

Этот процесс был отражением больших политических событий в стране и в уезде. Шла гражданская война. В тылу Красной Армии, в борьбе с привычками и пережитками старого мира, постоянно рождалось новое. Возглавляла эту борьбу партия большевиков. В сентябре 1918 года состоялась первая Новосильская уездная конференция РКП(б), в октябре – вторая, в ноябре – третья. Решения конференций отражались на повседневной жизни села Подъяковлево, на семьях тех крестьян, чьих детей я обучал. Трудовые крестьяне стали объединяться в сельскохозяйственные коммуны. Комитеты бедноты сливались с сельскими Советами. Бедняки активно помогали Советам реквизировать хлеб у спекулянтов, везли зерно на ссыпные пункты. В октябре 1918 года по решению II уездного съезда новосильской бедноты в подарок рабочим Москвы и Петрограда был отправлен целый эшелон хлеба. Кулаки яростно сопротивлялись мероприятиям новой власти. Они прятали хлеб, спекулировали им, тянули за собой середняков.

В конце 1918 года по ряду уездов Тульской губернии, в том числе по Новосильскому, прокатилась волна кулацких мятежей. Сельские богатеи стремились расправиться с беднотой

и с работниками советского аппарата, нападали на продотряды. Мы, учителя, не могли стоять в стороне от этих событий.

Помимо работы в школе, мы занимались политическим просвещением взрослого населения. 26 декабря по губернии был разослан циркуляр о мобилизации всех грамотных для читки газет и официальных постановлений. Чаще всего мы пользовались материалами газеты агитационно-пропагандистского отдела Тульского губисполкома «Коммунар» и Тульского губвоенкомата «Вооруженный пролетарий», а также уездными листками «Голос пахаря» и «Новосильская беднота». Печатавшиеся там материалы были близки нам, ибо отражали то, что происходило на наших глазах или в соседних уездах.

В селе Подъяковлево были две школы. Наша находилась в центре села. В трех ее отделениях обучалось около сотни ребят из Подъяковлева и ближайших к нему деревень. Я работал с огромным энтузиазмом. Мне охотно помогали коллеги по школе – сестры Евдокия и Варвара Наумовы, имевшие уже некоторый опыт учительства. Евдокия Петровна, заведующая школой, поручила мне вести младшее отделение. И с учителями, и с родителями учеников у меня быстро установился полный контакт. Казалось бы, я обрел, наконец, ту житейскую пристань, к которой я стремился. Школа отнимала все мое время, да и сам я старался загрузить день до предела, чтобы вознаградить себя за долгие поиски истинного призвания. Однако ни удачные уроки, ни привязанность ребят, ни дружба с коллективом школы все же не заполнили меня до конца.

Чего же мне не хватало? Я понял это в апреле 1919 года, когда был призван Новосильским уездным военкоматом на службу в РККА и направлен в четвертый запасный батальон, дислоцированный в городе Ефремове. Запасные батальоны были образованы приказом Реввоенсовета Республики в сентябре 1918 года для подготовки резервов в военных округах. И вот, наконец, осуществилась моя мечта, которую я вынашивал чуть ли не с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. В мае 1919 года я был зачислен в Красную Армию, стал ее командиром. Отныне мой дальнейший жизненный путь был для меня прям и ясен.

Командиром батальона являлся бывший подполковник царской армии Донченко, а военкомом – бывший прапорщик Комин. Забегая вперед, скажу, что, распрощавшись осенью того же года с товарищем Донченко, получившим другое назначение, я имел удовольствие вновь встретиться с ним в 1926 году на высших стрелково-тактических курсах «Выстрел», где он вел занятия по методике боевой подготовки...

Хотя четвертый запасный батальон сформировали всего лишь несколько месяцев назад, он поразил меня четкостью внутреннего распорядка, внешней чистотой и опрятностью бойцов, крепкой и сознательной дисциплиной, столь необычными для старой армии. Новыми были и взаимоотношения между рядовым и командным составом: они основывались на доверии друг к другу.

Руководящую роль во всей повседневной жизни батальона, в воинской учебе, в воспитании личного состава играла большевистская партийная организация, хотя партийная прослойка в подразделениях батальона была в то время крайне незначительной.

Батальон был целиком укомплектован; роты имели по несколько литерных маршевых рот, готовившихся к отправке на фронт. В средний командный состав подразделений входили бывшие офицеры или унтер-офицеры старой армии. Меня назначили взводным инструктором (помощником командира взвода).

Не прошло и месяца, как мне довелось принять участие в боевых действиях. В начале июня в Ступинской волости Ефремовского уезда кулаки убили губернского представителя, возглавившего работу по осуществлению продразверстки. Распоряжением Тульского губревкома была создана специальная комиссия по борьбе с кулачеством и бандитизмом в волости. Во главе комиссии стоял ефремовский уездный военный комиссар М. В. Медведев. Нашему батальону приказали выделить в распоряжение комиссии воинский отряд численностью в

100 человек. Командиром отряда назначили меня. Парторганизация батальона направила в помощь отряду нескольких опытных партийцев во главе с товарищем Мазуровым. На этих товарищей я и опирался, выполняя первое боевое задание большевистской партии.

Город Ефремов, стоящий на реке Красивая Меча, – типичный уездный городок: 2 бывшие гимназии, 2 училища, 2 больницы и 7 церквей; склады элеватора, картофельно-мучной и винокурный заводы, многочисленные сады. Отсюда мы направились в Ступинскую волость. Отряд провожали взгляды местных жителей: одни – приветливые, другие – злобно-настороженные. Наш путь лежал через балки и перелески, в которых прятались бандитские шайки. Круглые сутки приходилось быть в полной боевой готовности. В своих «Записках охотника» И. С. Тургенев, описывая места вдоль Красивой Мечи, восторгался изумрудными листьями речных зарослей, золотисто-черной зеленью рощ, лучезарным воздухом, облитым то солнечным, то лунным светом. Шагая в походном строю во главе своего отряда, я вспоминал эти строки. Их лиризм был так далек от обстановки, которая окружала нас. Ночную темень, все так же пронизанную сладостным ароматом, внезапно прорезали огненные вспышки, а соловьиные рулады прерывались глухими выстрелами кулацких обрезов...

Неутомимая деятельность партийной группы, исключительная сознательность и преданность своему долгу отобранных в отряд бойцов, активная поддержка со стороны сельской бедноты и части среднего крестьянства позволяли отряду быстро и правильно выполнять все задания комиссии. За короткий срок комиссии и отряду удалось конфисковать многие тысячи пудов хлеба, спрятанного кулачеством, направить в распоряжение Ефремовского ревкома тысячи задержанных или добровольно явившихся крестьян, ранее уклонявшихся от призыва в Красную Армию.

Этот непродолжительный по времени период имел для моей дальнейшей жизни и работы исключительное значение. Став красным командиром, ощутив доверие партии, я понял, что военная служба – мое единственное призвание. Именно тогда во мне зародилось стремление – во что бы то ни стало, рано или поздно, быть в рядах большевистской партии, подлинной защитницы интересов народа. Я все больше осознавал, что Великая Октябрьская социалистическая революция – подлинно народная революция. Под ее воздействием формировалось и мое политическое сознание. Полнее стало понятие Родины, патриотизма. Родина – это Советская Россия, страна трудового народа, ниспровергшего мир насилия и несправедливости, и решившего осуществить на своей земле идеалы лучших умов человечества, идеалы социализма. Советской Родине нужны своя армия, свои командные кадры, в том числе и военные специалисты. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. «Советская Россия или смерть!» – вот слова, ставшие тогда девизом миллионов людей, в том числе и моим девизом.

Но изменилось не только мое политическое мировоззрение. Гражданская война внесла много нового в военное дело, в самое построение вооруженных сил. Некоторые профессиональные понятия пришлось в корне пересматривать, изучать заново. Впрочем, напряженно учиться пришлось всю жизнь. Такова профессия военного человека. Она требует от любого серьезного специалиста, а особенно от советского офицера, не только обширных знаний, серьезной политической подготовки и общей культуры, но и постоянного пополнения этих знаний, расширения кругозора.

Летом 1919 года военно-политическая обстановка еще более обострилась. К Тульской губернии быстро приближался Южный фронт. Его 14-я, 13-я и 8-я армии с боями отходили на север, пытаясь задержать наступление деникинцев. Путь на Тулу прикрывала 13-я армия, которой командовал, известный мне по Румынскому фронту, бывший ротмистр Анатолий Ильич Геккер. На нее наседали белогвардейский корпус генерала Кутепова, состоявший из «именных» дивизий (дроздовской, алексеевской, корниловской и марковской), Добровольческой армии генерала Май-Маевского, рвавшейся от Харькова к Курску, Орлу, Туле и Москве. 9 июля было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В нем говорилось: «Насту-

пил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».

Главное внимание Советской страны переключилось на Южный фронт. 23 августа Тульская губерния была объявлена на военном положении. Возникли уездные советы обороны. М. В. Медведев стал членом Ефремовского Совета обороны. Тульский укрепленный район обязан был прикрыть отдаленные подступы к Москве с юга. В его военный совет вошли такие закаленные бойцы, как латышский рабочий, заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петере, один из организаторов Красной гвардии на Украине В. И. Межлаук, руководитель губернской парторганизации Г. Н. Каминский.

Вокруг Тулы и на подступах к ней с помощью местных жителей рыли окопы, ставили проволочные заграждения, сооружали пулеметные блокгаузы. Военизировалось гражданское население, формировались, вооружались и обучались воинские отряды. Перед бойцами часто выступали губернский военный комиссар Д. П. Оськин, член губкома РКП(б) П. Ф. Арсентьев, начальник местного политпросвета Н. А. Русаков. В городе и в соседних уездах срочно формировалась Тульская стрелковая дивизия. Ядром ее служили запасные батальоны, дислоцированные на территории губернии. В Тулу из Ефремова был переведен и наш четвертый запасный батальон, развернутый к тому времени в полк двухбатальонного состава. Меня назначили сначала командиром одной из рот, а по прибытии в Тулу, когда полк приступил к формированию третьего батальона, командиром этого батальона.

Основным костяком местной обороны, как и личного состава нашей дивизии, явились рабочие, преимущественно Оружейного и Литейного заводов. Еще 11 июля 1919 года президиум губернского съезда металлистов послал В. И. Ленину телеграмму о том, что съезд постановил удешевить производство оружия, осуществить среди рабочих воинское обучение, сформировать пролетарские полки и принес «социалистическую клятву металлистов умереть или победить»¹. Свою клятву туляки сдержали, сцементировав силы укрепленного района и придав его воинским формированиям дух негибаемой воли и железного упорства.

Фронт подкатывался все ближе к Туле. Напряжение росло, дивизия непрерывно пополнялась. Военные занятия не прерывались ни на один день. 20 сентября деникинцы захватили Курск, а 22-го был создан Московский сектор обороны, включавший, в частности, и Тульскую губернию. Между Орлом и Тулой выросли первая и вторая оборонительные линии. Наша дивизия расположилась на третьей, а севернее пролегла еще и четвертая линия. 30 сентября Тульский губком РКП(б) получил от ЦК партии письмо, в котором говорилось: «Основная военная и, вместе с тем, и политическая задача ближайшего момента, во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь, отбить наступление Деникина и отстоять Тулу с ее заводами, и Москву, затем, имея огромное преимущество в пехоте, перейти в наступление против скованной бездорожьем и распутицей деникинской кавалерии».

По приказу ревкома, в начале октября я вступил в командование полком, сформированным на базе Ефремовского батальона и вскоре переименованным в 5-й стрелковый полк Тульской стрелковой дивизии. На его укомплектование из губвоенкомата прибывали революционно настроенные призывники. Большинство из них были солдатами царской армии и участвовали в первой мировой войне. Они легко поддавались воспитанию, которым неустанно занималась партийная организация. Коммунисты умело и быстро сколачивали вокруг себя беспартийный актив, положительно влияя и на командный состав, большинство которого было выходцами из офицеров военного времени или унтер-офицеров старой армии. Призывники из крестьян-бедняков также становились активистами, охватывая своим влиянием и призывников из середняков.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 379.

В октябре наш полк занял Яснополянский сектор укрепленного района. Полковой штаб из пригорода Мясново перебрался в село Зайцево. Здесь-то и застало нас известие о падении Орла. Советская республика оказалась в самом тяжелом положении за все годы гражданской войны. 15 октября 1919 года Политбюро ЦК РКП(б) на заседании, которое проходило под председательством В. И. Ленина, разработало ряд срочных мероприятий, направленных на усиление обороны и, в первую очередь, на укрепление Южного фронта, на повышение боеспособности его войск. Политбюро постановило ни в коем случае не сдавать противнику Тулу, Москву и подступы к ним, признало необходимым сосредоточить основные усилия Красной Армии на защите Московско-Тульского района и подготовить затем контрнаступление.

20 октября В. И. Ленин направил в Тульский ревком телеграмму, в которой говорилось: «Значение Тулы сейчас исключительно важно, – да и вообще, даже независимо от близости неприятеля, значение Тулы для Республики огромно.

Поэтому все силы надо напрячь на дружную работу, сосредоточивая все на военной и военно-снабженческой работе... Обязательно сугубая интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц...

За обороной следить, не спуская глаз... Формирование войска имеет исключительное значение»².

21 октября тульские профсоюзы на своей губернской конференции объявили мобилизованными всех членов профсоюза. Началась «партийная неделя». Проводились массовые собрания и митинги. Коммунисты в выступлениях на них воодушевляли трудящихся и красноармейцев, призывали их стать непреодолимой преградой на пути белогвардейцев. Из Москвы прибыл агитационный поезд «Октябрьская революция» с бригадой руководящих деятелей партии. Перед туляками выступил председатель ВЦИК Советов М. И. Калинин.

Все готовы были скрестить штыки с деникинцами. Но к Туле враг не сумел подойти. В последней декаде октября белые потерпели жестокое поражение под Орлом и Кромами, а затем покатались на юг. Наш полк так и остался к юго-западу от Тулы. Когда стало совершенно ясно, что на Южном фронте достигнут перелом, командование дивизии отдало частям распоряжение перейти к выполнению новых задач. Мы гадали, где придется нести боевую службу, полагая, что нас направят в 13-ю армию. Однако наши ожидания не оправдались. Вскоре, вместо среднерусской лесостепи, нас встретили белорусские болота и озера.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 65.

Против интервентов

*Между Себежском и Полоцком. – Майский рывок. – Временное затишье. –
Новый удар. – Горькая неудача. – О моих наставниках*

В декабре 1919 года Тульская дивизия получила приказ отправиться на Западный фронт. Местное название, присваивавшееся тогда резервным и запасным соединениям, отменялось, дивизия получила очередной порядковый номер в рамках действующей армии и стала именоваться 48-й стрелковой, а наш полк, соответственно, превратился в 427-й полк 143-й стрелковой бригады. Командиры и комиссары воинских частей докладывали на заседании губернского ревкома о состоянии войск. Я тоже докладывал. Сообщил о полной боевой готовности полка, но добавил, что не имею опыта командования полком в условиях боевой обстановки и поэтому прошу ревком назначить в полк более опытного командира, оставив меня его помощником либо командиром батальона. После нескольких попыток уговорить меня снять свою просьбу, члены ревкома приняли мое предложение. Вскоре на должность комполка был назначен товарищ Соборнов, я же стал его помощником.

Место назначения дивизии – покрытый холмами и лесами Себежский уезд Витебской губернии, входивший в сферу действий 15-й армии (бывшей Латвийской). Растянувшись от Чудского озера до Украины, Западный фронт в то время держал оборону против буржуазно-националистических войск прибалтийских государств и Польши. Командовал 15-й армией сын эстонского крестьянина, выпускник Чугуевского пехотного училища и Николаевской военной академии, подполковник старой армии, 32-летний Август Иванович Корк, проявивший себя ранее при обороне Петрограда. Членами Реввоенсовета армии были в разное время такие стойкие большевики, как латышский рабочий, член партии с 1899 года, бывший народный комиссар внутренних дел Советской Латвии Ян Давыдович Ленцман, активный участник Октябрьской революции, прежний заместитель наркома по военным и морским делам РСФСР Константин Александрович Мехоношин и другие товарищи. Командовал фронтом тогда отличившийся уже на Северном и Южном фронтах гражданской войны Владимир Михайлович Гиттис, а затем известный герой гражданской войны, командовавший 1-й, 8-й, 5-й армиями и Кавказским фронтом, 27-летний Михаил Николаевич Тухачевский. Членами Реввоенсовета фронта были видные деятели польского и русского революционного движения Феликс Эдмундович Дзержинский, Иосиф Stanisлавович Уншлихт и другие бойцы ленинской партии. Отличные командиры и комиссары возглавляли корпуса, дивизии, основную часть бригад, полков и даже подразделений. Воевать бок о бок с ними было отменной школой, и я, как командир, даже с чисто профессиональной точки зрения, рос несравненно быстрее, чем в годы Первой мировой войны, находясь на Юго-Западном и Румынском фронтах.

По прибытии на фронт выяснилось, что 48-я дивизия не останется в прежнем составе. В частности, 143-ю бригаду направили на доукомплектование 11-й Петроградской стрелковой дивизии, считавшейся на фронте одной из лучших. Она возникла годом раньше из слияния двух других дивизий – 4-й Петроградской (бывшей Лужской) и 1-й Нижегородской – и прошла боевую закалку в сражениях с войсками генерала Юденича. Наш 427-й полк поступил на пополнение 32-й стрелковой бригады. Меня назначили помощником командира 96-го полка. Прибывший вместе с нами 428-й (прежний 6-й Тульский) полк тоже влился в 32-ю бригаду. Наряду с ней в 11-ю дивизию входили 31-я и 33-я бригады. 32-я бригада в тот период составляла дивизионный резерв.

11-я дивизия в течение февраля, марта и апреля 1920 года весла оборону в районе Юховичи – Кохановичи – Дрисса от наскоков белолатышей. Для меня, как красного командира, это был второй этап боевой выучки, о котором я вспоминаю с большим удовлетворением. Здесь

я еще раз убедился в коренных различиях методов действий регулярных соединений царской армии и армии победившего народа. Единение красноармейцев, комиссаров и командиров, принципиально иное отношение к своему воинскому долгу, высокая политическая сознательность бойцов делали Красную Армию могучей и непобедимой.

Буржуазно-помещичья Польша готовила в то время очередную военную кампанию против Советской республики. Пилсудчикам прислали из Франции 1,5 тыс. орудий, 350 самолетов, около 3 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок. Боевой состав польской армии был доведен до 200 тыс. штыков и сабель. Советские мирные предложения белополяки отвергли и в апреле 1920 года перешли в наступление. На нашем участке первоочередной задачей стало прикрыть «Смоленские ворота» – пространство между Полоцком и Лепелем, позволяющее обойти с севера болота и леса в бассейне Березины. 96-й стрелковый полк, переброшенный в район озера Жеринского, базировался в треугольнике населенных пунктов Лукьянове – Замошно – Пожинки. Постепенно к Полоцку подтягивалась вся 11-я дивизия. Западный фронт готовился к контрудару. На его правом фланге сосредоточились части ударной (Северной) группы Е. Н. Сергеева (48-я дивизия и 164-я бригада). Южнее расположилась 15-я армия в составе шести стрелковых дивизий (в том числе наша 11-я) и одной кавалерийской. Еще южнее стояла 16-я (бывшая Белорусско-Литовская) армия Н. В. Сологуба. Она должна была нанести вспомогательно-отвлекающий удар в направлении от Борисова на Минск, а главный удар выпал на нашу долю. Осью боевых действий тут служила железнодорожная линия Полоцк – Молодечно. Северная группа наступала на нее с севера, от Диены; 15-я армия – с востока, от Уллы. Разрезав фронт противника в верховьях Березины, наши объединения поворачивали на юго-запад, чтобы развить успех вдоль литовской границы и выйти в Западную Белоруссию.

Развернувшись на 60-километровом фронте сразу всеми дивизиями, 15-я армия нанесла 14 мая внезапный удар по врагу. В нашей дивизии насчитывалось всего 2,5 тыс. штыков. Но зато они были в руках бойцов, воодушевленных идеей отстоять Советскую Родину от интервентов. Сразу же после начала наступления 11-я стрелковая дивизия, как самая правифланговая, вошла в контакт с ударной группой и затем была включена в ее состав.

Мы быстро прорвали польский фронт, и 96-й полк стал продвигаться вперед, тесня противника. Боевая операция развертывалась все время вдоль железной дороги, в естественных проходах между многочисленными озерами, возникшими здесь, вероятно, еще в ледниковый период. Первое серьезное сопротивление мы встретили 18 мая, когда столкнулись с вражеской Познанской дивизией. Завязалось ожесточенное сражение за станцию Крулевщина. Понеся тяжелые потери, полк попал на несколько дней в дивизионный резерв, 27 мая нас снова ввели в бой. Сбивая противника с одной позиции за другой, мы переправились южнее Долгиново через реку Вилия и уже готовились наступать на Вилейку, когда подверглись внезапному контрудару польской кавалерии. Часть бойцов полка не выдержала натиска конников и рассеялась. Пришлось прямо на ходу сколачивать разрозненные подразделения. Это был для меня еще один урок.

В последующие дни, отражая удары белополяков, мы встретились и с вражескими бронемашинами. С переменным успехом бой длился до 2 июня, после чего 11-я дивизия, как и весь Западный фронт, начала отходить. Через Докшицы, станцию Подевиле и район озера Плисса, непрерывно контратакуя, мы отступали к перешейку между озерами Долгое и Сшо. Там закрепились, отрыли окопы, поставили проволочные заграждения и, отбивая ежедневно по несколько атак, держали позицию до 15 июня. Убедившись, что оттеснить нас далее не удастся, противник прекратил наскоки. Наступило полумесечное затишье. Тут мы начали разбираться, почему наш майский рывок неожиданно заглох. Выяснилось, что поляки, отбросив сначала за Березину 16-ю армию, подтянули с юга резервы и ударили по флангам 15-й армии, растянувшейся по фронту на 180 км, чтобы отсечь ее и прижать к литовской границе. Понеся большие потери в майских схватках, 15-я армия тоже вынуждена была отступить. У реки Мнюта она

оказала ожесточенное сопротивление врагу, и пилсудчики не смогли продвинуться далее ни на шаг. Березинское сражение закончилось.

Началась перегруппировка сил. Фронтовые и армейские тылы несколько пополнились. Так, в нашей 11-й дивизии стало 5,5 тыс. штыков. 48-ю дивизию командование отвело на крайний правый фланг, к латвийской границе, в качестве боевого охранения на случай авантюры со стороны белолатышей. Расширившуюся Северную группу войск преобразовали в 4-ю армию. 11-я дивизия осталась в 15-й армии, левый фланг которой, усиленный несколькими соединениями, превратился в 3-ю армию под командованием выдвинувшегося ранее на Восточном и Южном фронтах В. С. Лазаревича. Южнее стояли 16-я армия и Мозырская группа войск. Основные усилия в июльском наступлении надлежало проявить трем северным объединениям на фронте в 135 км – от Дриссы до озера Пелик. Особая задача ставилась перед занимавшим крайний правый фланг 3-м конным корпусом во главе с героем боев на Восточном и Южном фронтах Г. Д. Гаем. Из района Диены этот корпус должен был далеко с севера обойти левый фланг польской армии и, нависая над ее тылами, выйти западнее озера Нарочь к литовской границе, прорваться к Ошмянам и отрезать врагу в районе Лиды пути отступления. Тем временем, 15-я армия с соседями обязана была повторить майский рывок на Молодечно, а южные объединения Западного фронта – наступать на Минск, Слуцк и Пинск. Общая задача нашего фронта сводилась к тому, чтобы заходящим справа ударом отбросить белополяков к Полесским болотам.

Новое наступление началось 4 июля. Развивалось оно чрезвычайно успешно. Ломая сопротивление противника, весь Западный фронт быстрыми темпами устремился вперед. 15-я армия в течение нескольких дней преодолела пространство, которое мы оставляли в мае, и продолжала насаждать на белополяков. Позади были Глубокое, Парафьяново, Молодечно. Двинулись на Лиду. Сюда повернулась от Докшиц и 3-я армия, наш левый сосед. 16-я армия от Минска шла на Барановичи. Наш правый сосед, 4-я армия, взяв Поставы, рванулась к Вильно. Чудеса творил конный корпус Гая. Его кавалеристы захватили с налета форты Гродненской крепости и удержали их до подхода пехоты. Впереди были уже берега Немана. Но сначала нужно было пройти через линии укреплений, возведенных здесь немцами в годы мировой войны. Белополяки зацепились за эту полосу обороны и попытались остановить победное шествие рабоче-крестьянских полков. В районе Сморгони 15-я армия натолкнулась на военно-инженерные препятствия. Завязалось ожесточенное сражение. Дорога к Неману далась нелегко.

В самый разгар боев, в конце июля, я неожиданно получил приказ: мне предлагалось немедленно отправиться на должность командира 427-го стрелкового полка в свою прежнюю 48-ю дивизию. С большим, признанием, сожалением попрощался я с дружным и опытным коллективом 96-го полка, в котором принял военно-политическое крещение как красный командир, в борьбе уже не с бандитами, а с регулярными войсками противника. Мы тепло распрощались с командиром полка Ковалевым, военным комиссаром Жестянниковым, полковым адъютантом Доброхотовым и другими товарищами.

48-я дивизия была на марше в районе Вильно. Ее первый начальник товарищ Логофет был в то время заместителем командующего 4-й армии, в состав которой входила эта дивизия, а новым начдивом стал Ефим Викентьевич Баранович, в 1919 году возглавлявший запасный батальон в городе Белеве, Тульской губернии, а затем полк 48-й дивизии. Командир и комиссар 143-й стрелковой бригады – латышский рабочий, герой Московского вооруженного восстания 1917 года, очень смелый, но резковатый, Оскар Юрьевич Калнин сообщил мне, что должность, на которую я был назначен, уже занята. Поэтому мне было предложено отправиться в распоряжение начальника дивизии. Я меньше всего думал о работе обязательно в должности командира полка. Меня больше привлекала уже знакомая работа в должности помкомполка

или комбата. Поэтому я упробил комбрига послать меня на одну из этих должностей у себя в бригаде и в результате стал помощником командира 429-го стрелкового полка.

До середины августа наша дивизия находилась в районе Вильно, неся гарнизонную службу. Полк произвел на меня, особенно в политико-моральном отношении, очень хорошее впечатление. Он был укомплектован в основном уже побывавшими в боях красноармейцами или прошедшими подготовку в запасных частях. Отличные отношения установились у меня с командованием полка, в том числе и с самим командиром товарищем Дрейвичем (хотя в бригаде меня предупреждали о его нелегком характере). Партийная организация полка была боевой, сплоченной. Это меня более всего радовало. Даже короткий опыт службы в рядах РККА убедил меня в том, что наличие в воинской части сильной большевистской организации – серьезный залог успеха во всех ее делах.

Западный фронт к тому времени успел пожать радостные плоды июльских побед и не менее горькие плоды августовских разочарований. Красная Армия дошла до Варшавы, но там была остановлена. Истощенная 500-километровым переходом, понесшая в непрерывных сражениях большие потери, оторвавшаяся от баз, лишенная снабжения пополнением и боеприпасами, она наткнулась на превосходящие силы пилсудчиков, опиравшихся на техническую мощь Антанты. А затем произошло то, что буржуазная печать окрестила «чудом на Висле», – отход наших войск. Отрезанная от соседей и обессиленная 4-я армия, с 3-м конным корпусом, смогла уйти только в сторону Восточной Пруссии, перешла немецкую границу и была интернирована. 3-я и 15-я армии в трудных условиях отступали, первая – к Гродно, вторая – к Волковыску. Сюда-то и направили нашу дивизию. Она должна была задержать наступающего врага, помочь соединениям 15-й армии.

Через Волковыск, куда мы прибыли 18 августа, тянулись тылы отходивших войск: обозы, артиллерийские парки, кухни. Порою попадались разрозненные группы бойцов. На них было больно смотреть. Почерневшие, изможденные, многие в кровавых повязках, они хмуро шагали по обочине дороги. Юго-западнее Волковыска мы встретились с врагом, стремившимся развить свой успех. Сбив с позиции заслоны, выставленные 15-й армией, он ворвался в Пружаны и Беловежскую пушу. Наш полк принял удар белопольских войск в районе Свислочи. В результате упорного боя 48-я дивизия отбросила противника, захватила пленных, трофеи и заняла оборону на подходе к Беловежской пуше. Где-то здесь находился созданный из белорусских крестьян партизанский отряд Рубо, но установить с ним контакт мы никак не могли. Форсировав реку Нарев, 429-й полк в течение двух недель с переменным успехом сражался с белополяками.

Нашим левым соседом был 427-й полк. Однажды противнику удалось прорвать его фронт. Чтобы обезопасить фланг, командир 429-го полка Дрейвич решил использовать находившийся в резерве второй стрелковый батальон и контратаковать врага. Атака оказалась успешной, белополяки отступили, а за открытым флангом полка мы сумели создать заслон. Я командовал вторым батальоном. Попытки установить связь с 427-м полком оказались тщетными. Из сообщений отдельных бойцов этого полка, отошедших во время боя в наш район обороны, выяснилось, что их полк, понесшая потери, в беспорядке отступил.

Вечером того же дня Дрейвич вызвал меня в штаб и вручил телефонограмму от командира бригады Калнина, в которой тот обязывал меня немедленно вступить в командование 427-м стрелковым полком, и уже к утру во что бы то ни стало восстановить утраченное им положение. Связавшись по телефону с комбригом, я доложил ему о получении приказа. На мой вопрос, где можно найти 427-й полк, его штаб и прежнего командира, комбриг назвал район, фактически занимаемый тем самым батальоном, из которого я только что прибыл. Описав истинную обстановку на этом участке, я посоветовал срочно выдвинуть в район прорыва из бригадного резерва 428-й стрелковый полк и попросил дать мне хотя бы одну ночь на сбор

и приведение в порядок 427-го полка, оказав при этом помощь в людях. В ответ последовал приказ немедленно явиться в штаб бригады, расположенный в деревне Вейки.

В штабе комбриг в категорической форме повторил прежний приказ. Я доложил, что при всем желании выполнить этот приказ не смогу. Меня тут же взяли под стражу и направили в ревтрибунал, находившийся в Волковыске. Не успели мы отойти версты четыре, меня вернули в штаб бригады и вновь повторили приказ. Я ответил, что по-прежнему считаю его невыполнимым. Мне немедленно вручили письменное предписание, согласно которому «за саботаж и нелепую трусость» я смещался с должности помкомполка-429 и назначался командиром взвода в одну из стрелковых рот того же полка. С этим предписанием я и возвратился к крайне удивленным, и взволнованным всем происшедшим, командиру и военному 429-го полка, а от них, несмотря на их настойчивое предложение переночевать с ними, отправился в свой взвод шестой роты того самого второго батальона, с которым был вместе в бою весь минувший день. Сложны порой военные пути и перепутья...

Глубокой ночью я нашел роту как раз на том рубеже, где оставил ее днем. Взвод, в командование которым я вступил, занимал оборонительную позицию на открытом фланге полка. Вскоре к нему примкнули подразделения 428-го полка, только что выдвинутого по приказанию комбрига из резерва (об этом я и просил его). А через несколько дней упорных боев, когда я успел уже оценить ни с чем не сравнимую стойкость и мужество бойцов своего взвода, пришел приказ начальника 48-й дивизии прибыть в его распоряжение. В штабе начальник дивизии Е. В. Баранович и военный комиссар Индриксон объявили мне, что в результате тщательного расследования, проведенного партийными и следственными органами дивизии, предъявленное мне командованием бригады обвинение совершенно не подтвердилось. Отзывы командования и парторганизаций 96-го и 429-го стрелковых полков обо мне вполне положительные. Командование и политотдел 11-й стрелковой дивизии сообщили, что за успешные и умелые действия в боях на реке Шоша в начале июля 1920 года был поставлен вопрос о представлении меня к ордену Красного Знамени. Приказ комбрига был отменен, а меня, с согласия командарма А. И. Корка, назначили временно, впредь до освобождения должности комполка, командиром формировавшегося отдельного батальона нашей же дивизии.

Во второй половине сентября 48-я дивизия продолжала, как и весь Западный фронт, отход на восток, оказывая врагу ожесточенное сопротивление. Наш отдельный батальон постоянно участвовал в отражении атак противника. Трудные часы пришлось всем нам пережить 23 сентября, когда была прорвана оборона 144-й стрелковой бригады и под угрозой оказались тылы 143-й бригады. Ей пришлось пробиваться через белопольские цепи, а затем быстро отступать на Слоним и далее, по Барановичскому шоссе. Селения Новая Мышь, Барановичи, Несвиж, Копыль, Слуцк – вот вехи нашего почти непрерывного отхода. Здесь, по болотистым чащобам вдоль рек Лань, Морочь и Случь, где в крохотных деревушках жили «забытые богом» полешуки, людям порою легче было пробираться, чем лошадям. Не раз мы попадали в ловушку, из которой, казалось, не было видимого выхода. Выручали крестьяне-бедняки, указывавшие нам скрытый от глаз брод. Богатые же ехидничали: «Панове-товарищи, созывайте рынок, продавайте лошадей!».

Однако истощенная войной буржуазно-помещичья Польша вынуждена была отказаться от своих захватнических планов и пойти на заключение мира. По предварительным условиям, подписанным в октябре 1920 года в Риге, оказалось, что граница между Польшей и РСФСР проходила примерно в 50–100 км западнее той, которую Советское правительство предлагало весной 1920 года, до начала белополяками военных действий. Так была наказана агрессия. Поэтому объективным результатом этой кампании, указывал В. И. Ленин, следует считать поражение врага и победу Советской России³.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 347.

Боевые действия на фронте прекратились в ночь на 19 октября. 48-я дивизия, стоявшая неподалеку от Бобруйска в армейском резерве, контролировала коридор между Днепром и Березиной: выдвигала осведомительные посты, вела разведку, ставила секретные дозоры. Это было необходимо, поскольку противник, прекратив официально военные действия, тайно поддерживал различные бандитские группы, засланные им на территорию Центральной Белоруссии. Наиболее опасной из них была так называемая «Народная добровольческая армия Белоруссии» Булак-Балаховича, а также «Крестьянская бригада» атамана Искры. С. Н. Булак-Балахович, в прошлом штабс-ротмистр, еще до революции отличался авантюристическими наклонностями. Вступив в 1918 году в Красную Армию, он с самого начала замышлял измену, и, сформировав кавалерийскую часть в районе города Луга, вскоре переметнулся к белогвардейцам.

В октябре отряды Булак-Балаховича находились где-то возле Турова, а с ноября он осуществлял бандитские операции в направлении на Мозырь и, используя временную разбросанность частей Красной Армии после войны, захватил этот город. Его «батальоны смерти» действительно сеяли смерть. Они убивали советских и партийных работников. Преследуя врага, мы шли по кровавым следам в буквальном смысле слова. Почувствовав, что регулярные части Красной Армии наступают ему на хвост, «начальник Белорусского государства» (как он громко именовал себя) разделил свои силы, бросив одну колонну на Жлобин, а другую – на Речицу. 16 ноября он был настигнут и разгромлен. Тут булаковцы рассеялись и стали искать спасения небольшими группками в глухих местах Полесья. К сожалению, схватить главаря не удалось, и он ускользнул за границу. В одном из боев с его шайками пал геройской смертью комбриг-143 Оскар Калнин. У меня, несмотря на быстрое недоразумение, установились с ним дружественные отношения, и я, как и все товарищи, тяжело переживал эту утрату. Он был моим одноклассником, жизнь его только начиналась. И даже за эту короткую жизнь О. Ю. Калнин успел многое сделать для Советской власти...

Завершая свой рассказ о борьбе с интервенцией, хочу сказать несколько слов о тех, кто учил меня мужеству, не бояться правды, хотя бы самой суровой, глядеть ей смело в глаза, быть всегда с народом и непреклонно отстаивать честь Советской Отчизны, – о коммунистах, моих сослуживцах тех лет. Многих из тех, кто были моими наставниками и учителями в то сложное время, давно уже нет в живых. Но память о них всегда оставалась для меня священной. Какие бы посты я ни занимал, я стремился быть достойным тех, кто помог мне связать свою судьбу с делом нашей партии, занять свое место в строю военнослужащих Советского государства. Вечно буду помнить Михаила Васильевича Медведева, ефремовского уездвоенкома. Всю гражданскую войну он был начальником снабжения 48-й стрелковой дивизии, а затем долгое время начальником управления по снабжению горючим в Наркомате обороны.

Большую науку я прошел у К. Ф. Комина, военкома 4-го запасного батальона, у Жестяникова, военкома 96-го стрелкового полка, у Индриксона, военкома 48-й дивизии. Помню и многих других, кто своим примером, добрым словом и советом помогал мне идти по пути красных командиров.

Полковой опыт

В борьбе с бандитскими отрядами. – Через Самару в Тверь. – Во всех полках по очереди. – О Московском военном округе. – армия учится. – что такое «терсистема». – Однополчане. – Памятное посещение

В ноябре 1920 года нашу 48-ю стрелковую дивизию передислоцировали в Смоленскую губернию. Там на отдельный батальон, которым я командовал, возложили демобилизацию и отправку по домам военнослужащих старших возрастов. После этого батальон расформировался. Меня назначили помощником командира 424-го полка 142-й стрелковой бригады.

С начала 1921 года части 48-й дивизии, уже имевшие некоторый опыт борьбы с бандитизмом, перебросили в Самарскую губернию, где все еще орудовали бандиты. Командование Заволжского военного округа поручило нам как можно скорее очистить местные уезды от небольших, но очень злобных вооруженных кулацких шаек. Порою через губернию, спасаясь от преследования, проходили «транзитом» и крупные бандитские отряды. Они грабили, убивали, жгли... Зимой 1921 года с волжского Правобережья в губернию прорвался отряд бывшего генерала Попова численностью в 1 тыс. штыков. К апрелю он был разбит, но в мае в Пугачевском уезде появились конные группы Аистова, Сафонкина и Сарафанкина (всего до 200 сабель), потом Пятакова, а в Новоузенском уезде возникла конная банда Серова в 500 сабель. В борьбе с бандами, проходившей в целом успешно, были потери и с нашей стороны. В одной из операций погиб мой друг, общий любимец, Константин Комин. Разве я думал, прощаясь с ним накануне, что уже никогда мне не суждено будет встретиться с этим полным сил и энергии боевым товарищем, что для него путь в Самарские степи окажется последним? Это была одна из самых горьких для меня утрат среди всех тех, которые я пережил в годы гражданской войны.

К августу банды были истреблены или рассеяны. Голод, охвативший Поволжье, заставил Реввоенсовет Республики перевести отсюда ряд воинских частей. Кроме того, началось послевоенное распределение соединений Красной Армии по местам постоянной службы. 48-ю стрелковую дивизию включили в состав столичного военного округа, а местом ее пребывания определили Тверскую губернию. В частности, 424-й полк во главе с В. И. Бахаревым попал в Ржев, и я снова увидел волжское раздолье, только уже в верховьях великой реки. На меня повеяло ранней юностью: такой же примерно, как Кинешма, город, разве что побольше; схожие по типу фабричные заведения, в основном льнотрепальни и пенькопрядильни. Жизнь здесь, как и повсюду, шла по новым рельсам, определялась грандиозными событиями социалистической революции и гражданской войны.

Неся гарнизонную службу, наш полк активно включился в быт тружеников окрестных деревень. Мы помогали убирать урожай, участвовали в работе продналоговых органов. А мне вскоре пришлось заняться новым для меня делом. В связи с болезнью начальника штаба 142-й бригады Овечкина я вступил в исполнение его обязанностей. Это был у меня, строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный. И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей.

В 1922 году началась крупная перестройка РККА. Во всех стрелковых дивизиях упразднились бригады. Теперь дивизии внутренних округов состояли каждая из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров и различных подразделений с вдвое уменьшенной численностью бойцов. Новый шаг был сделан в 1923 году, когда утвердили единый штат стрелковой дивизии (15,3 тыс. человек, 156 пулеметов, 24 орудия), а также ввели в РККА стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Параллельно шла массовая демобилизация. При расформировании соединения сливались. Бригада, преобразуясь в полк, а полки в батальоны, передавали им свои номера.

В нашей 48-й дивизии, которая получила двойное наименование (по месту нахождения штаба стала называться Тверской, а по месту расположения ряда служб – Кашинской), оказались 142-й, 143-й и 144-й стрелковые полки, один артиллерийский полк и один кавалерийский (вскоре направленный в Туркестан на борьбу с басмачами), а также различные спецчасти и подразделения обслуживания. 144-й полк, ставший затем Кимрским, а еще позднее – Вышневолоцким, некоторое время находился в Москве, прочие же части сразу разместились в Тверской губернии. Поскольку наша бригада превратилась в полк, произошли очередные перемещения в комсоставе. Меня опять назначили помощником комполка, а когда наш командир В. И. Калинин уехал на учебу, я вступил во временное командование 142-м стрелковым полком. Между прочим, в дальнейшем мне пришлось в течение десяти лет поочередно командовать всеми полками нашей дивизии, и, могу по совести сказать, что «полковой опыт» я приобрел изрядный.

Кажется полезным упомянуть здесь о том, что же представлял тогда собой Московский военный округ, служить в котором нам выпала честь. Не касаясь столичного гарнизона, скажу лишь о губернских воинских соединениях. Округ охватывал 16 губерний. На их территории дислоцировались в 1922 году шесть стрелковых дивизий, две отдельные стрелковые бригады, авиаотряды, бронечасты, артиллерийские, инженерные, связи и другие отдельные части, а также специальные учреждения и разнообразные склады. В 1923 году округу добавили 1-ю отдельную особую кавбригаду, а в 1924 году – 14-ю (позднее 10-ю) Майкопскую кавдивизию. Эти соединения входили в корпуса. Когда в 1923 году в округе прибавился 10-й стрелковый корпус под командованием героя Октябрьской революции и гражданской войны П. Е. Дыбенко, прежнее подчинение соединений изменилось не сразу: в 3-м стрелковом корпусе (командир – опытный боевой военачальник В. Ф. Грушецкий) были 6-я Орловская, 17-я Нижегородская и 19-я Воронежская стрелковые дивизии; во 2-м – 14-я Московская, 18-я Ярославская и 48-я Тверская.

Нашим корпусом тогда командовал Д. Н. Надежный. Во время гражданской войны он командовал Северным и Западным фронтами, а потом был инспектором пехоты РККА. Его огромный опыт и широкие познания имели большое значение для упорядочения, и совершенствования службы подчиненных ему соединений. Не занимать умения было и окружному начальству. Войсками МВО в 1921–1924 годах командовал Н. И. Муралов, начальником штаба был М. И. Алафузо, а начальниками политического управления – последовательно И. В. Валентинов-Бойков, Б. А. Бреслав и П. И. Павловский. Судьба их несхожа, но никому из них нельзя было отказать в высоких деловых качествах.

Большинство командиров и политработников в своем 142-м стрелковом полку я знал давно и неплохо. Полк вырос из Богородицкого отряда Тульского укрепленного района. Когда Тульская дивизия стала 48-й, полк получил номер 425. В ее составе он прошел через сражения на Западном фронте, а теперь, как и вся армия, приступил к повседневной боевой и политической учебе в условиях мирной жизни. Над ним шефствовал Тверской уездный исполнительный комитет. Вскоре после того, как я принял полковые дела, нашей воинской части довелось пройти серьезное испытание, готовясь к сентябрьским маневрам. Это были первые в стране после гражданской войны двусторонние маневры всех родов войск, а также частей ГПУ и ЧОН. Они состоялись в присутствии главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменева и первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова.

Развитию военного дела уже и в ту пору придавалось большое значение. Все отлично осознавали, что мы не имеем права отставать от армий империалистических государств, а потому каждый из нас работал, насколько хватало сил и знаний. Менялось в армии и вооружение, правда, не такими быстрыми темпами, как хотелось бы. В 1922 году началось формирование так называемых показательных рот, вооруженных автоматическими винтовками. В этой связи мы поставили перед полком задачу глубоко изучить новые огневые средства, овладеть и новыми

приемами ведения боя с тем, чтобы перейти от линейной тактики к групповой. Накопленный опыт должен был передаваться другим подразделениям полка. К сожалению, на той стадии из-за недостатка нового вооружения делать это было почти невозможно. Поэтому всех поступавших в полк (согласно декрету от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности граждан РСФСР трудового происхождения) мы вынуждены были вооружать и обучать в основном по-прежнему. Большинство их было малограмотными или вовсе неграмотными, так что во всех частях, помимо чисто военных и политических занятий, приходилось организовывать обучение русскому языку, арифметике и географии. Таким образом, Красная Армия становилась одновременно и массовой школой ускоренной ликвидации безграмотности.

Из крупных учебных мероприятий 1922 года запомнились мне интересно проведенные зимой под Судогодой окружные маневры всех разведывательных команд войск округа, поставленных на лыжи. На двусторонних маневрах отрабатывался встречный марш в зимних условиях. Командование отрядом разведчиков от частей и соединений 2-го стрелкового корпуса было возложено на меня. Одну из сторон на этих оригинальных и поучительных маневрах возглавлял командир 2-го стрелкового корпуса Д. Н. Надежный, а другую – командир 3-го стрелкового корпуса В. Ф. Грушецкий.

Лыжной подготовке в войсках уделялось тогда большое внимание. Неплохо была поставлена она и у нас, в 142-м полку. Об этом говорят хотя бы такие факты. Отлично был проведен зимой 1923 года, в процессе подготовки к окружным соревнованиям, лыжный пробег полковой команды по маршруту Клин – Тверь. На окружных соревнованиях по маршруту Тверь – Москва, в которых принимало участие 35 лыжных команд, отряд нашего полка занял третье место, а начальник команды, командир роты Врунов, был награжден серебряной медалью.

Серьезное внимание уделялось в полку и другим видам физкультуры и спорта. Мы использовали для этой цели и внеурочное время, стремясь привить любовь к спорту всем военнослужащим и всячески поощряя отличившихся. Отрадно было видеть, как бойцы бегают взапуски по плацу, штурмуют спортивный городок, кидают в состязании на дальность броска учебную гранату или подтягиваются на турнике. На глазах менялся облик новобранцев. Чем выносливее становились они на учениях и маневрах, тем строже делалась выправка.

В 1922 году на дивизионных состязаниях по легкой атлетике команда 142-го полка завоевала семь призов из 77. В 1923 году полк в составе дивизии, наряду с другими в округе, отбывал лагерный сбор в Москве на Ходынском поле. 17 июня впервые в округе проводились соревнования команд на 10-километровый пробег по пересеченной местности с полной походной выкладкой. Посмотреть соревнования собрались тысячи москвичей. Все с нетерпением ожидали результатов. Каково же было наше ликование, когда победу одержала команда нашего 142-го стрелкового полка. Под гром аплодисментов ей торжественно был вручен переходящий приз.

Не нужно думать, что нам сопутствовали только успехи. Трудностей у нас было не меньше. Страна только-только приступала к восстановлению хозяйства, вконец подорванного гражданской войной и интервенцией. Когда весной 1923 года полк прибыл в московские Октябрьские лагеря, нам дали дополнительную, очень чувствительную, нагрузку по несению гарнизонной службы. Немало неудобств создавала неустроенность красноармейского быта. Материальное обеспечение было пока недостаточное. Не хватало обмундирования и обуви. Текущее красноармейского состава затрудняла налаживание планов военно-учебной подготовки. Но весь начальствующий состав, в том числе наши семьи, не покладая рук работали, чтобы преодолеть все эти трудности, и добивались определенных успехов.

В сентябре 1923 года наш полк в составе дивизии принимал участие в окружных маневрах под Коломной и получил от окружного командования хорошую оценку. Рабочие предприятий Бронницкого уезда вручили политотделу дивизии почетное Красное знамя, которое было передано на хранение в 142-й стрелковый полк, как в передовую часть, 48-й дивизии.

В 1923 году было принято решение о переводе ряда дивизий на территориально-милиционную систему. До этого в РККА имелась лишь одна милиционная бригада в Петроградском военном округе. В начале года на эту систему было переведено 10 кадровых дивизий, в том числе две в МВО – 18-я Ярославская и 19-я Воронежская, а во второй половине 1923 года к ним прибавилось дополнительно еще 16 дивизий, из них четыре в МВО – 17-я Нижегородская, 14-я Московская, 81-я Калужская и 84-я Тульская. При резком сокращении государственного военного бюджета оставшиеся в частях кадры должны были обучать и призывников, и обеспечить на случай войны быстрое развертывание соединений до штатов военного времени. Первые сборы переменного состава РККА состоялись осенью 1923 года.

Местом комплектования нашей 48-й стрелковой дивизии была определена в 1924 году Тверская губерния. Каждый стрелковый полк получил свой территориальный район, из ресурсов которого к полку приписывали военнообязанных переменного состава из пяти наиболее молодых возрастов. Спецчасти, а также отдельные подразделения, укомплектовывались из всего дивизионного района путем персонального отбора и приписки военнообязанных через уездные военкоматы. Для руководства работой уездвоенкоматов при дивизии создали территориальное управление. Каждый батальон в полку и рота в батальоне, в свою очередь, имели собственные районы комплектования. Командный и политический состав этих подразделений нес ответственность за мобилизационную готовность и военную подготовку приписанных к ним военнослужащих.

Приписной состав территориальных частей проходил военную подготовку на учебных сборах. В год призыва военнообязанные усваивали курс допризывного обучения по военной, политической и физической подготовке. Учеба шла в местных районах в специальных пунктах, оборудованных заботами командования полка, батальонов, рот, а также местных партийных, советских и общественных организаций. К началу обучения (как правило, в зимний период) командный состав подразделений прибывал в районы. Туда же из полка направлялись все необходимое боевое и учебное оружие, приборы и пособия. Будущие призывники считались военнослужащими, размещались казарменно в общежитиях, подчинялись всем требованиям воинских уставов.

В первый год службы молодые призывники привлекались для прохождения трехмесячного (май – июль) сбора, а каждый год из последующих четырех – на осенние месячные общие сборы всего переменного состава, приписанного к полку. На время сборов территориальные части получали полностью все, что полагалось им по штатам военного времени: оружие, боевую технику, транспорт и имущество. Общие сборы приписного состава, как правило, заканчивались дивизионными учениями или участием дивизий на корпусных либо окружных маневрах. Общая продолжительность обучения рядового состава в стрелковом полку, не считая трехнедельного срока допризывной подготовки, составляла, таким образом, около семи месяцев.

Хотя в целом по качеству боевой подготовки территориальные части, особенно специалисты, уступали кадровым частям, но, как свидетельствовали итоги ежегодных инспекторских смотров, войсковых учений и маневров, боеспособность этих частей по тому времени могла считаться все же вполне удовлетворительной. Большой вред армии нанесла антипартийная деятельность Троцкого. ЦК партии принял решение создать комиссию для изучения боеспособности войск. Обследовав состояние вооруженных сил страны, она в начале 1924 года отметила ряд серьезнейших недостатков и подчеркнула необходимость резко повысить боеспособность Красной Армии.

Совершенно ясно, что терпеть такое положение было нельзя. Великий Ленин учил, что «всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». И Коммунистическая партия на протяжении всего своего славного и сложнейшего пути стремилась и стремится как можно лучше выполнить этот важнейший для Страны Советов, для тружеников всего мира,

завет своего вождя. И вот на февральском пленуме ЦК партии 1924 года было принято решение о радикальном обновлении военного руководства и о проведении коренных преобразований в РККА. Партия отлично понимала, что, окруженная врагами, наша страна построит социализм только в том случае, если, как это и завещал Ленин, Красная Армия будет могучей, боеспособной силой.

Уже в марте был утвержден новый состав Реввоенсовета СССР, после чего и началась военная реформа в полном смысле слова. Она включила в себя ряд крупных мероприятий, действительно позволивших повысить боеготовность Советских Вооруженных Сил и подвести их к тому новому рубежу, который определился в связи с переходом СССР к индустриализации. Серьезное внимание было уделено переподготовке командных кадров. Так, шагая от этапа к этапу, росла и развивалась наша славная Красная Армия. Она никогда не стояла на месте, шла все время вперед вместе со всей страной, успешно строившей социалистическое общество.

В 1924 году – первом году военной реформы – я возглавлял дивизионную школу младшего командного состава. Мне тогда пришлось не только руководить подготовкой для нашей дивизии этих первых помощников среднего комсостава и непосредственных начальников рядовых красноармейцев, но и думать о том, как учитывать в работе школы все то новое, что вытекало из осуществлявшейся военной реформы. В частности, необходимо было внести изменения, связанные с переменами в структуре подразделений и частей. В стрелковом взводе было теперь три отделения, три ручных пулемета и один станковый; в роте – три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов; в батальоне – три стрелковые роты и рота станковых пулеметов; в полку появилась 6-орудийная батарея полковой артиллерии; легкий артполк дивизии состоял теперь из 3-батарейного легкого артдивизиона и 2-батарейного гаубичного дивизиона и т. д. Затем начали вводиться новые воинские уставы и наставления.

За этими повседневными учебными заботами и застал меня внезапный вызов в Военную академию РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе) для сдачи вступительных экзаменов. Вызов был неожиданным не только для меня, но и для командования дивизии. Я попросил командование не посылать меня в академию, так как чувствовал себя неподготовленным. Однако Главное управление кадров Красной Армии на запрос комдива И. Ф. Максимова подтвердило вызов. По прибытии в академию я подал на имя председателя приемной комиссии заявление с просьбой вернуть меня в дивизию. Меня вызвали к заместителю председателя комиссии. И кого же я увидел? Им оказался М. Л. Ткачев. Я хорошо знал его. Он стажировался в нашей дивизии, будучи слушателем академии, а теперь работал в аппарате Главного управления кадров Наркомата по военным и морским делам. Ему-то, как выяснилось, я и обязан был вызовом. Встретились мы дружески. Однако все попытки со стороны Ткачева уговорить меня держать немедленно экзамены ни к чему не привели. Я вернулся в дивизию.

С декабря 1924 года, после ликвидации дивизионной школы, я в течение четырех лет с перерывом командовал 143-м стрелковым полком, который с переходом 48-й дивизии на территориальную систему был передислоцирован из Серпухова в Тверь, а 142-й полк – из Твери в Ржев, где находился один из его батальонов. Командир 143-го полка Миловзоров был переведен в Москву, в войска ЧОН, а меня назначили на его место. Впрочем, большинство начсостава в новом для меня полку было мне хорошо знакомо по службе в дивизии.

Нашей дивизией после гражданской войны командовал по-прежнему Е. В. Баранович. В 1922 году его сменил Степан Михайлович Серышев. Один из создателей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, он ушел от нас на должность помощника командира корпуса, служил затем военным атташе в Японии и, в течение пяти месяцев, вплоть до своей безвременной кончины в 1928 году, работал первым начальником Центрального дома РККА. После него дивизию принял герой гражданской войны, бывший командир 15-й Сивашской дивизии И. И. Рудмец. С конца 1925 и по 1928 год включительно дивизией командовал И. Ф. Максимов, ставший затем начальником Военно-топографического управления Наркомата

по военным и морским делам. До 1931 года ею командовал бывший начальник пограничных войск Союза, большевик с дореволюционным стажем товарищ Угрюмов. Начальником штаба 48-й дивизии за это время последовательно были весьма опытные, авторитетные и уважаемые товарищи П. Н. Алексеев и А. В. Петров. В 1925 году на должность заместителя начальника штаба дивизии прибыл М. А. Пуркаев, ставший в 1928 году начальником штаба. В 1930 году он был переведен заместителем начальника штаба МВО. Особую известность и авторитет приобрел он в годы Великой Отечественной войны, возглавляя штаб фронта, командуя войсками 3-й ударной армии, Калининского и 2-го Дальневосточного фронтов. Это был отлично подготовленный, с огромным практическим опытом командно-штабной службы военачальник и хороший товарищ. Установившиеся между нами еще в дивизии дружеские, самые сердечные отношения, сохранились вплоть до последних дней его жизни.

В период моего командования 143-м стрелковым полком войсками 2-го стрелкового корпуса последовательно командовали известные в Вооруженных Силах и в стране герои гражданской войны Иван Панфилович Белов, Витовт Казимирович Путна, Иван Федорович Федько. В 1924 году сменилось и руководство военного округа. Войсками Московского военного округа стал командовать видный деятель Коммунистической партии, один из героев гражданской войны К. Е. Ворошилов. Климент Ефремович командовал войсками нашего округа в 1924–1925 годах, до момента вступления на пост Наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР. Помощником его, а затем командующим войсками округа, был известный военный деятель Георгий Дмитриевич Базилевич, политическое управление возглавлял опынейший политработник, разносторонний по способностям и деятельности командир, комиссар и кадровик Антон Степанович Булин; штабом округа руководил до конца 1928 года опытный штабной работник, отлично знавший военное дело, весьма оригинальный по своему характеру Алексей Макарович Перемытов.

В Краснознаменном 143-м полку я с первых же дней встретил приветливое и теплое отношение со стороны командно-политического состава и партийной организации, и вскоре мы работали очень дружно, как говорится, рука об руку. Зимой основное внимание уделялось подготовке начальствующего состава. Главные военные занятия вел я. Немало времени отнимало у нас строительство новых гарнизонных лагерей на отведенном для них земельном участке в 25 км от города, в районе бывшей усадьбы «Сахарово», принадлежавшей когда-то генерал-фельдмаршалу Гурко. Но занимались мы хозяйственными делами не в ущерб боевой и политической подготовке.

В начале июня 1924 года после выхода в лагеря мы узнали, что вскоре Тверь и нашу дивизию посетит командующий войсками округа К. Е. Ворошилов. Полк проводил тогда обычные трехмесячные сборы новобранцев. Командующий прибыл в Тверь из Вышнего Волочка, где проводил проверку 144-го стрелкового полка. Поскольку я тогда впервые встретился и познакомился с Климентом Ефремовичем, мне хочется остановиться на этом эпизоде поподробнее.

Старый член партии, К. Е. Ворошилов не мыслил своей деятельности без общения с местной парторганизацией, с трудящимися, особенно с рабочими людьми. Поэтому первым его шагом по приезду стала встреча с активом горкома партии и горисполкома, с тружениками вагоностроительного завода и текстильной фабрики «Пролетарка». Затем последовали беседы с командованием дивизии и двухдневное детальное ознакомление с нашим полком, ходом боевой и политической подготовки, состоянием дисциплины, материальным обеспечением и хозяйством. Вместе с командующим этой работой занималась большая группа начсостава из управления и штаба округа.

В первый же вечер я представил через дивизионное руководство подробный план занятий полковых подразделений на все ближайшие дни и получил указание встретить командующего в 9 часов утра на полковом стрельбище, куда он прибудет в сопровождении комдива. По плану боевой подготовки в тот день проводил стрельбы второй батальон.

Батальон отрабатывал одно из начальных упражнений по стрельбе из винтовки. Ворошилов, вместе с сопровождавшим его известным в Красной Армии специалистом стрелкового дела С. И. Шестаковым, проверил подготовку к стрельбе очередной смены и ход самой стрельбы. Запретив отмечать на мишенях пулевые пробоины, он пошел к мишеням и тщательно осмотрел каждую из них. Туда же подвели бойцов стрелявшей смены. Каждый боец, встав у своей мишени, докладывал командующему о результатах. В целом они были хорошими, но один боец ни разу не попал в мишень. На вопрос Ворошилова, почему у него такие плохие результаты, боец ответил: «Винтовка, товарищ командующий, попалась неважная...». Последовал вопрос ко мне: «Проверен ли бой оружия перед его выдачей бойцам?» Я ответил утвердительно и потребовал у командира стрелявшей роты пристрелочную карточку на эту винтовку. Карточка свидетельствовала об отличном бое винтовки. К. Е. Ворошилов, будучи снайпером по стрельбе из всех видов стрелкового оружия, решил сам проверить винтовку и отправился вместе с ее владельцем к прицельному станку. Стрельба со станка подтвердила отменный бой винтовки. Ворошилов не удовлетворился этим и, приказав поставить соответствующую мишень в 300 м от линии огня, произвел стрельбу по ней из положения лежа с руки. Результаты и здесь оказались превосходными. После этого командующий обратился к стрелявшей смене примерно с такими словами: «Товарищи, ваша смена действовала хорошо! Спасибо вам, спасибо вашим командирам за хорошую стрельбу, за хорошую учебу. Но вот товарищ, — он назвал имя незадачливого бойца, — из вашей смены не попал в мишень ни одной пулей. На мой вопрос — почему, ответил, что виновата винтовка. Прошу посмотреть на эти мишени. Да, по-видимому, он теперь и сам убедился, как прекрасно ведет себя в умелых руках эта «неважная» винтовка. Я думаю, что нам следует, прежде всего, напомнить ему старую мудрую русскую пословицу «На зеркало неча пенять...». Порекомендуем ему посерьезнее отнестись к учебе и к концу сбора стать отменным стрелком. Но за то, что он так обидел свою ни в чем не повинную подругу, я вернуть ему ее не могу. Да к тому же ее бой я нахожу даже лучше, чем бой у моей винтовки, в стрельбе из которой я тренируюсь. А потому прошу командира полка подарить и переслать ее мне. Вторая просьба к командиру полка: дать сегодня же бойцу другую, тоже хорошего боя винтовку, а с плохим боем винтовок в вашем полку, как я надеюсь, вообще нет. По окончании летнего сбора сообщите через товарища Шестакова, как закончил «отличившийся» товарищ свою учебу и каких результатов добьется он в стрельбе».

Проверив еще две смены, а затем, ознакомившись с тем, как организованы и проводятся на стрельбищном поле стрелковые занятия в других ротах батальона, К. Е. Ворошилов заявил, что хотел бы побывать на тактических занятиях полка. Узнав, что как раз в те часы подразделения первого и третьего стрелковых батальонов отрабатывали на фоне ротных учений сколачивание отделений и взводов, он попросил провести его на занятия в третью роту. К тактическим занятиям командующий отнесся с большим интересом, задавал много вопросов, сделал полезные предложения по тактике боевых действий, использованию местности, оружия, лопаты, по маскировке, а командному составу — и по методике подготовки занятий. В целом, как он заявил на ротном разборе занятий, организация и проведение занятий его вполне удовлетворили. Остался доволен он подготовкой бойцов и состоянием роты в целом, поблагодарив за это руководившего занятиями помощника командира роты А. Д. Тимофеева и весь личный состав подразделения. Хорошо прошла на следующий день и проверка строевой подготовки полка. Не стану скрывать, что я был горд за свою воинскую часть, за то, что мы не ударили лицом в грязь перед командующим. После этого состоялся митинг. Климент Ефремович в своей речи поблагодарил полк за усердную и успешную работу и пожелал всему его личному составу новых успехов.

Это посещение дивизии и полка командующим войсками округа имело большие положительные последствия. Бойцы долго вспоминали, кому и что он сказал, восхищались его знанием воинского быта. Командование дивизии было довольно тем, что командующий составил

себе мнение о 48-й стрелковой дивизии не по одному, 144-му полку, что Тверской гарнизон в целом не уступает соседям.

На пути к реконструкции

«Выстрел». – Где служить? – Борис Михайлович Шапошников. – так учил И. П. Уборевич. – На промышленную основу. – В. К. Триандафиллов. – Помнить об агрессии. – Вступление в ВКП(б). – Прощай, Вышний Волочек!

В 1926 году, будучи командиром 143-го стрелкового полка, я прошел годичное обучение на отделении командиров полков стрелково-тактических курсов «Выстрел». Это – одно из старейших и авторитетнейших учебных заведений Советских Вооруженных Сил. Его роль в подготовке среднего и старшего командного состава была и остается огромной. Всей работе со слушателями здесь был присущ сугубо практический характер. Этот полезный практицизм в определенной мере традиционен. Возникла школа на базе Офицерской стрелковой школы, а та вела свое существование от Учебного пехотного батальона, размещавшегося до революции в Ораниенбауме. Школа «Выстрел» была сформирована в ноябре 1918 года. Ее возглавлял старейший знаток огневого дела, бывший генерал царской армии Н. М. Филатов. Под его руководством с 1919 года в школе работали такие мастера оружейного дела, как В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев и другие известные создатели оружия для Красной Армии. В 1924 году школа получила название Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коммунистического Интернационала. Ныне она официально именуется Высшими офицерскими ордена Ленина Краснознаменными курсами «Выстрел» имени Б. М. Шапошникова.

С 1919 года и до 1926 года через курсы прошло 4 тыс. командиров, в том числе 505 командиров полков. За годы Великой Отечественной войны курсы дали Родине более 20 тыс. командиров стрелковых полков, батальонов, рот.

Курсы были укомплектованы на редкость опытными преподавателями. При мне их возглавлял известный по гражданской войне военачальник Григорий Давидович Хаханьян, награжденный тремя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В 1929 году вышла его интереснейшая книга «Основы военной психологии». О разносторонности знаний Г. Д. Хаханьяна может свидетельствовать тот факт, что немалое место в книге занял анализ физиологических основ поведения военнослужащих. Во введении к книге крупный специалист по изучению роли высшей нервной деятельности в трудовых процессах, сотрудник академика И. П. Павлова Ю. П. Фролов, отмечает высокий профессиональный уровень этого анализа. Работа содержала богатый материал по характеристике социальной психологии, видов военного труда, интеллектуальных и биологических основ таких явлений, как страх и паника, и по психологической подготовке армии к боевым действиям со множеством разнообразных, интересно подобранных примеров. На посту начальника курсов Г. Д. Хаханьян проявил также большой талант организатора и педагога.

Василевский среди слушателей курса «Выстрел» 1926 г.

Нашу подготовку составляли четыре учебных комплекса: тактика, стрелковое дело, методика и обществоведение. Занятиями по тактике руководил сам Г. Д. Хаханьян, а уроки вели В. И. Волков, Н. С. Новиков и Б. И. Рышковский. Мы изучали современный по тому времени бой во всех его разновидностях. В рамках общей тактики проходили специальные дисциплины (артиллерию, военно-инженерное и военно-химическое дело, связь, топографию и устройство тыла). Квалифицированно преподавали серьезные, вдумчивые специалисты: топограф Д. С. Шуваев, военный инженер И. Н. Петров, артиллерист Н. К. Сегеркранц, знаток военной администрации П. И. Мишутушкин. Хорошее впечатление производили на слушателей главный руководитель оружейного дела Н. М. Филатов, руководитель стрелкового дела Г. Ф. Морозов и преподаватель огневого дела С. И. Шестаков, а также преподаватели методики обучения войск В. К. Головкин и М. Г. Донченко.

Слушатели хорошо изучили материальную часть оружия, научились управлять огнем подразделений, вести пулеметную стрельбу с закрытых позиций, по воздушным целям, огонь ночью и в дыму. Большое значение придавалось занятиям по обществоведению. Для чтения докладов о международном положении в школу приглашали видных деятелей ВКП(б) и Коминтерна. Нам запомнились яркие доклады участника революционного движения в России и Польше тогдашнего редактора «Красной звезды» Феликса Яковлевича Кона и участника венгерского революционного движения, наркоминдела и наркомвоена Венгерской Советской республики в 1919 году, члена Исполкома Коминтерна Бела Куна.

Вместе со мной в школе учились многие будущие военачальники Советской Армии: В. И. Тупиков, Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко, А. И. Шебунин и другие товарищи. 21 ноября 1958 года в юбилейной газете «Выстрел», выпущенной к 40-летию курсов, я писал: «Курсы «Выстрел», являясь старейшей кузницей офицерских кадров Советской Армии, на всем протяжении своего существования успешно готовили высококвалифицированных офицеров для Вооруженных Сил Союза ССР. Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии». Готов повторить эти слова и сейчас.

Вспоминая школу «Выстрел», я не могу не сказать хотя бы нескольких слов о том чрезвычайно скорбном событии, которое переживали Советская страна и ее Вооруженные Силы, потеряв 31 октября 1925 года председателя Реввоенсовета, народного комиссара по военным и морским делам СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Михаила Васильевича Фрунзе. Вся страна знала Михаила Васильевича как опытного, негибкого борца-революционера, председателя Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП, руководившего в 1905 году крупнейшей в России политической стачкой текстильщиков в Иваново-Вознесенске; в период гражданской войны – как крупного полководца-стратега, ведущего подчиненные ему войска от победы к победе, не знавшего поражений, а в послевоенные годы показавшего себя выдающимся государственным деятелем, крупнейшим военным теоретиком. «Подполье, баррикады, камера смертников, каторга, революция, водительство революционных войск и слава великих побед – вот путь товарища Фрунзе!» Так писала «Правда» в печальные дни смерти революционера-полководца. Я лично не имел счастья в годы гражданской войны воевать под непосредственным руководством М. В. Фрунзе. Я видел Михаила Васильевича всего лишь один раз в течение нескольких минут, и те минуты были и останутся для меня незабываемыми, минуты, когда я с глазами, полными слез, вместе с другими слушателями отделения командиров полков школы «Выстрел» был удостоен чести стоять в почетном карауле у гроба покойного полководца.

В августе 1926 года по окончании курсов я вернулся в свой 143-й полк. В то время командующим войсками Московского округа стал Борис Михайлович Шапошников. В своих воспоминаниях я буду много писать об этом необыкновенном человеке. Нам суждено было долго работать вместе. И мне хочется сказать, что немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он. Жизнь Б. М. Шапошникова типична для большинства военнослужащих старой армии, сразу же после социалистической революции ставших на сторону народа. 19-летним юношей Б. М. Шапошников поступил в Московское (впоследствии Алексеевское) военное училище и успешно окончил его. После нескольких лет службы в Средней Азии он учился в Академии Генерального штаба. Штабной офицер кавдивизии в годы Первой мировой войны, участник ряда сражений, Б. М. Шапошников незадолго перед Великим Октябрем становится полковником и командует Мингрельским гренадерским полком, а затем, в декабре 1917 года, избирается начальником Кавказской гренадерской дивизии. В мае 1918 года он добровольно вступает в ряды Красной Армии. К этому времени у него за плечами 16 лет военной службы, высшее военное образование, практика работы на различных штабных и командных должностях, более чем трехлетний опыт войны. Трудно переоценить значение вклада такого высококвалифицированного специалиста в строительство Красной Армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.